

РАСУЛ
ГАМЗАТОВ

ОЧАГ

ПОЭМЫ

Д

Ⓐ

В. Французский

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

ОЧАГ

ПОЭМЫ

Перевод с аварского

Москва

« Детская литература »

1983

С(Дар)
Г18

Художник
Г. Бедарев

Г $\frac{4803010200-371}{M101(03)83}$ 359—83

© Предисловие. Состав. Иллюстрации.
Издательство «Детская литература», 1983 г.

СИЛОЮ ДУХА И ДУШИ

Расула Гамзатова я знаю с давних студенческих лет. Мы встречались в коридорах Литературного института имени Горького в Москве, а потом, периодически, — то в московском Доме литераторов, то в различных городах Советского Союза — Ташкенте, Тбилиси, Ереване — в дни съездов, юбилеев, литературных декад, на обсуждениях. Сейчас я своего друга чаще вижу издали, когда на голубом экране в моей ереванской квартире появляется его знакомый облик: коренастый, уверенный, с метким, сочным словом на устах, на груди — медали лауреата Ленинской и Государственной премий, звезда Героя Социалистического Труда, значок депутата Верховного Совета СССР.

Изменились мы все, изменился и Расул. Но его стихи, его поэмы если и изменились, то только к лучшему, стали вдумчивее и мудрей, одновременно сохранив прозрачность и полноводность таланта того, юного студента Расула.

Кажется, в течение всей, уже перевалившей шестой десяток жизни Расул Гамзатов с детской преданностью хранит наказы своего отца — народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы, — которые, как веки на жизненном пути, указывают направление на всех дорогах, по которым идет его сын, отмеченный славой, будь то в Индии, Японии или во Франции.

Будь связан с родимым народом. Пусть мал он,
Живущий на кручах, на скалах отвесных.
Тебе, как наследство надежное, дал он
Язык, на котором слагаешь ты песни.

...С друзьями дели и веселье и беды,
Весь мир пред тобою от края до края,
Будь скромн, отзывчив, все чувства изведай,
Тебе свою боль и любовь завещаю...

«Боль и любовь». Боль и любовь к своей земле, к миру, к человеку, боль от опасностей и тревог, угрожающих людям, и любовь к каждому камню, дереву, к языку, к истории, ко всему человечеству — если поэт хранит в себе живыми, трепетными эти чувства, он навсегда останется поэтом и никогда не покроется разъедающей ржавчиной духовной сытости.

Гёте сказал, что если хочешь узнать поэта, надо побывать на его родине. Я много ездила, а в Дагестане мне еще не довелось побывать. Но когда речь идет о таком поэте, как Расул Гамзатов, можно и переиначить слова великого немца: если хочешь узнать страну, узнай ее поэта.

И вот передо мной книга Расула Гамзатова. Читаю его строки, и чудится, что шаг за шагом приближаюсь 6

к Дагестану, потихоньку накатывается свежее дыхание Каспийского моря, подымаюсь по скалам и кручам на аварскую землю, и, наконец, он — побратавшийся с небом аул Цада́. На узеньких улочках резвятся чумазы, темноглазые ребятишки, одетая сдержанно-современно торопится к школе горянка-учительница, сидящие на аульском годекане старики горцы с седыми усами и бородами, ставшими еще белее на фоне черных черкесок, рассказывают о лихой молодости своей и лихих своих конях, а над плоскими крышами высится двухэтажная сакля Гамзата Цадасы.

Я перешагиваю через порог. Дом полон книг, изделий прославленных кубачинских мастеров, полон прошлого, воспоминаний, старых и новых голосов. Этой заветной переключкой старого с новым насыщен и сам воздух аула Цада. Здесь и раскатистое вольное ржание скакунов отчаянных всадников, что оберегали свободу родных гор, и нежный шелест стихов Махмуда. Здесь на деревянных колыбелях начертано: «И маленькие дети видят большие сны».

Отважен аул Цада, горд, честен. Он, как факел, пронесит через поколения свет памяти, он с достоинством посылает своих сыновей защищать великую Советскую Родину и скорбно склоняется перед могилами павших — и аварского джигита, и крупного сына вьетнамской матери. Все радуги мира и грозные молнии преломляются в его небе и меняют матери аула красные и черные шали свои, сопереживая красное и черное планеты людей. Маленький, отлитый из скал, примостившийся со своими преданиями и орлами к верным своим горам, аул Цада в то же время пытливо следит за облетающими земной шар космическими кораблями, его око и сердце напряженно улавливают идущие со всех уголков земли сигналы ликования и бедствия, волны любви и братства всех

племен и народов. И устами своего сына-стихотворца так говорит аул Цада:

Кто край свой не чтит с постоянством сыновьим,
Тому не понять и далекие земли,
Кто отчему дому не внемлет с любовью,
Тот глух и к соседям, тот братству не внемлет.

Закрываю книгу Расула Гамзатова и по той же дороге спускаюсь с дагестанских гор, возвращаюсь к себе домой. И вот думаю: на карте мира, густо закрапленной кружочками городов, нет аула Цада.

Расулу Гамзатову выпал великий удел — своим блистательным талантом, силою духа и души открыть место для аула Цада не только на карте, но и в людских сердцах.

Есть ли большее счастье для поэта?

Сильва Капутикян

РАЗГОВОР С ОТЦОМ

**I С рассветом на кручах цветы запестрели,
И росы в густом разнотравье сверкнули.
А ночью река отразила в ущелье
Созвездья, горящие в горном ауле.**

**Ну что же, выходит, в дорогу пора мне.
И вновь отправляюсь я утром весенним
Туда, где вода, разбиваясь о камни,
Летит мимо склонов, объятых цветеньем;**

**Где можно столетье прожить не состарясь,
Где в сакле, что лепится над крутизною,
Земляк мой, совсем еще крепкий аварец,
Сейчас наслаждается сотой весною.**

**Пора мне! Уже в лепестках красноватых
Цветущие персиковые деревья.
В распахнутом небе цепочки пернатых —
На родину движутся птичьи кочевья.**

И счастлива мать: «Журавли прилетают,
Должно быть, и сын мой появится скоро!»
Сестра, повстречавшая ласточек стаю,
Ликует: «Мой брат возвращается в горы».

Я еду. Пожитки уложены наспех.
Прощайте, огни дагестанской столицы!
Прощайте, равнины и ласковый Каспий,—
В источниках горных спешу освежиться.

Я еду... Петляют меж выступов острых
Капризные русла грохочущих речек.
Родными горами рожденные сестры,
Четыре Койсу выбегают навстречу.

Гора — как скакун под седлом белоснежным.
Не тает седло даже в летнее время.
Седая гора среди зелени свежей,
Как прадед, стоит, возвышаясь над всеми.

Деревья, деревья! Их жизнь вековую
Украсили вспышки трехдневных соцветий.
В аулах, что тысячи лет существуют,
Резвятся на солнце трехлетние дети.

Столбы с проводами идут по высотам.
На них восседают скворцы-новоселы.
И, словно ребят обучая полету,
Орел распластался над зданием школы.

Люблю я рассветы в горах, и закаты,
И воздух высот — опьяняющий воздух.
Люблю, развалившись на бурке косматой,
В ночи пересчитывать дальние звезды.

Люблю земляка повстречать спозаранок,
Люблю его крепкое рукопожатье,
Люблю золотые улыбки горянок,
Их черные косы, их строгие платья.

Счастливый, хожу по альпийским просторам,
По нивам вершинным, где зреет пшеница.
И пушкинский томик со мною, в котором
Аварский цветок меж страничек хранится.

2 Вот так и бродил я три дня неустанно,
В траве и в ручьях находя свои строки.
Я пел о суровой красе Дагестана,
О смелом джигите, о горной дороге.

О старцах седых, что лезгинку плясали,
Как будто бы жить начинали сначала.
О девушке с гор, что игрой на рояле
Столичную публику очаровала.

Еще описал москвича-агронома,
Парторга, что в поле с рассветом уехал.
О свадьбе писал, где у добрых знакомых
Я славно гулял, и о прочих успехах.

В стихах изложить я стремился все то, что
Мне радует сердце весенней порою.
Послав их в редакцию утренней почтой,
Я ждал с нетерпеньем ответа, не скрою.

«Спасибо! Печатаем без сокращений»,—
Гласило письмо из аварской газеты.
И вновь на дорогу глядел я с волнением —
Кого ожидал я в сиянье рассвета?

Не девушку ждал я, не друга, не брата —
Коня, что покажется за поворотом.
На скачках призы получал он когда-то,
А ныне без всадника тихо бредет он.

Как будто старик, сединой убеленный,
Спокойно идет он, не ведая лени.
Он знает дорогу до почты районной,
Он знает дорогу обратно в селенье.

Как тот ветеран, что на пенсию вышел,
Идет не спеша он, годами испытан,
И ржет он, завидев знакомые крыши,
И цокают громче по камню копыта.

Идет он — не надо ему провожатых.
Он сам — почтальон и в пути независим.
Не требует он персональной зарплаты —
Доставщик газет, извещений и писем.

В мешках, что к седлу приторочены прочно,
Все новости мира и весточки близких;
Журнал «Огонек», и служебная почта,
И множество всякой другой переписки.

Здесь все, что сближает земные пространства,
Здесь все, что сегодня подписчику нужно,
И наш — на пяти языках дагестанских —
Родной альманах под названием «Дружба».

Дождавшись газеты с моими стихами
(Коня повстречал я рассветною ранью),
В то утро воскресное со стариками
Сидел я, взволнованный, на годекане¹.

Очки не спеша надевая, газету,
Как будто окно, старики раскрывали,
И взором окидывали планету,
И видели самые дальние дали.

Безмолвствуя скромно, исполнен почтения,
Сидел я среди собеседников мудрых

¹ Г о д е к а н — место, где сходятся старожилы аула
для беседы.

И слушал весомые их рассужденья.
О многом узнал я в то ясное утро.

Но горцу мечтается на годекане,
Чтоб люди его скакуна похвалили.
Хотелось и мне, чтоб в достойном собренье
Стихи мои тоже замечены были.

А судьи сидели в спокойствии строгом.
«Стихи ничего... — кто-то молвил, добавив: —
Ты хочешь идти по отцовской дороге?
Ну что же... Ты силы попробовать вправе...

Я помню, Гамзат понимал нас прекрасно.
Ведь так?» Говоривший склонился к соседу,
И тот закивал головою согласно,
Взглянул мне в глаза и продолжил беседу:

«Сынок, ты всегда приезжаешь весной,
О жизни счастливой поешь, о цветенье.
Скажи, ты знаком с иссушающим зноем?
Хоть раз побывал под ненастьем осенним?

Поёшь... А когда же ты будешь работать?»
«Вот странный старик, — я подумал с досадой, —
Должно быть, он просто не понял чего-то...
Ведь песня — мой труд... Так чего ж ему надо?»

3 Но эти слова меня крепко задели,
Я шел с годекана домой опечален,
Стихи перечел о весне, о веселье,
Но в эту минуту они не звучали...

Так речка струится, преграды не зная,
И вдруг из воды выступают пороги.
Так в жизни — прервется дорога прямая,
И встретятся трудности, беды, тревоги.

Бывает и пекло, бывает и ветер,
Со сладостью перемежается горечь.
И тьма и туман существуют на свете.
Житейские истины не переспоришь.

Так можно ли петь лишь о добром и светлом,
Глаза закрывая на все остальное,
Не видя ни мрака, ни злобного ветра,
Щадя сорняки, пребывая в покое?

О зрелость моя! Мне исполнилось тридцать.
Спасибо седым мудрецам за советы!
Стихи, вы обязаны тоже трудиться.
Я понял, что в этом — призванье поэта.

...К отцу я вошел — здесь работать любил он,
Оружье его я с почтеньем потрогал.
Полвека оно ему честно служило
Во многих сраженьях, на горных дорогах.

Невежество пятилось, злобно оскалась,
И тьма вековая от песни бежала:
Горянки с чохто¹ навсегда расставались,
И кровник отказывался от кинжала...

Всесильный, казалось бы, шейх из Аргвани,
Кулак и мулла, обиравшие горцев,
Торгаш, лицемер и базарный карманник
Страшились карающих слов стихотворца.

Пусть время другое и люди другие,
Но нам от бывшего остались в наследство
Привычки чужие, пороки такие,
С которыми стойко сражался отец мой.

Другое названье, другая одежда,
Но то же лицо у них, если взглядеться.
Живут бюрократ, подхалим и невежда —
С такими когда-то сражался отец мой.

Бездельник все дни в разговорах проводит,
Ворюга амбары колхозные грабит.
Охвостье минувшего, вражье отродье, —
Как зубы больные, их вырвать пора бы!

Не сразу я смог разгадать их повадку,
Хотя и нередко встречал их в аулах.

¹ Ч о х т о — женский головной убор.

Одни подходили с улыбкою сладкой,
Другие спешили свернуть в переулок.

А третьи, не видя особого риска
(Мол, сыну искусство отца не под силу),
При мне поступали бесчестно и низко...
Обидно мне было, и горько мне было.

И мысли мои обратились к оружию,
Которым отец побеждал многократно.
Мне гнев его нужен, мне смех его нужен,
Мне стих его нужен, простой и понятный.

4 На крыше себе постелил я. Усталый,
Прилег, но уснуть я не мог почему-то.
Быть может, реки клокотанье мешало
Иль ветер, с вершины срывавшийся круто.

Спустился я в дом, прихватив одеяло,
К старинной тахте я прижался щекою.
Теперь тишина мне уснуть не давала,
Теперь духота не давала покоя.

Я лампу зажег. Озаренные светом,
Отцовские рукописи лежали.

И сам он глядел с небольшого портрета
В раздумье, а мне показалось — с печалью.

И с плеч его черная бурка спускалась,
Казалось, в дорогу собрался он снова,
И быстрый скакун через дикие скалы
Его унесет, дорогого, живого.

И я подошел, как к живому. Я в детстве
Вот так же, бывало, являлся с повинной:
«Вторую весну без тебя я, отец мой...
Ты за руку вел малолетнего сына.

Растил меня, путь мне указывал верный,
Учил не робеть и преград не бояться,
В поэзию ввел... Помог и теперь мне —
Как трудно во всем одному разобраться!..»

Я смолк. Неожиданно мне показалось,
Что голос я слышу родной и знакомый,
Что снова вошел мой отец, как бывало,
Что он лишь на час отлучился из дома.

Седой, невысокий — таким его помню, —
Глаза меж лучистых морщинок не гаснут.
Он теплую руку кладет на плечо мне.
Звучит его речь глуховато, но ясно.

5 «Мой сын, я слежу за тобой постоянно,
С тех пор, как тебя убаюкивал в зыбке.
Я знаю всегда твои мысли и планы,
Возможные предупреждаю ошибки.

Признаться, тревожусь порой о тебе я.
Ты выбрал нелегкое дело, сыночек.
Как должно поэту, встречай, не робея,
Душевную боль и бессонные ночи.

Профессия эта потребует много
Терпенья и мужества, силы и страсти,
Будь честным! Чтоб сердце чужое растрогать,
Свое раскрывай безбоязненно настезь.

Пускай, ослеплен красотой невесты,
Жених никаких в ней не видит изъянов,
Но в деле твоём слепота неуместна,
Здесь правда — основа любви постоянной.

Чем утро светлее, тем легче заметить
Все темные пятна, все давние тени.
Весну воспевая, воспользуйся этим,
С полей сорняки убирай и каменья.

Полвека носителей зла обличал я.
Их множество сгнуло, без вести канув.
Но все-таки их уцелело немало, —
Так хищник уходит порой из капкана.

Хитрей они стали, трудней распознать их.
Они выступают уверенным шагом.
Как щит впереди — документы с печатью,
Но черные души за белой бумагой.

Дашь волю им — золото сделают ржавым,
И горькими станут медовые соты,
Неправое восторжествует над правым,
Померкнут сияющие высоты.

Вовек не мирись с благодушьем и ленью
И знай — ты на службу бессрочную призван.
Борение мыслей и чувств столкновенья
Останутся даже в года коммунизма.

Прислушайся к гулу стремительных речек,
И к шуму деревьев, и к посвистам птичьим,
Но прежде всего к голосам человеческим.
В познание народа — поэта величье.

Всегда выбирай потруднее дороги.
Твой разум — в народе, богатство — в народе.
Не бойся в пути запылить свои ноги,
Как тот чистоплюй, что на цыпочках ходит.

Не жди вдохновенья подобно лентяю,
Который в саду, не смущаясь нимало,
Часами лежит в холодке, ожидая,
Чтоб спелое яблоко с ветки упало.

Дешевую славу купить не пытайся,
Как жалкий хвостун, что стрелять не умеет,
А купит на рынке лису или зайца,
И их за охотничьи выдаст трофеи.

В поэзии надо работать на совесть.
Не вздумай носить одеянье чужое,
Не вздумай лукавить, как виноторговец,
Вино потихоньку смешавший с водою.

Не уподобляйся бездушным поэтам,
Их книгами топят зимою печурку,
А летом — ты сам, видно, знаешь об этом —
Их книги идут чабанам на раскурку.

Пускай пробивается правда живая
В любой твоей строчке, с неправдою споря,
Чтоб песня, не печь, а сердца согревая,
Была им подспорьем и в счастье и в горе.

Я сед, как вершина горы снеговая,
Я рано отцовскую саклю покинул,
Нуждою гоним и плетью подгоняем,
Я сызмальства гнул над работою спину.

Весной на Андийской Койсу, в половодье,
Я бревна сплавлял из цундинской чащобы,
А в Грозном, где нефть на поверхность выходит,
Бурил до упаду земную утробу.

Я снес бы лишенья и голод едва ли,
Но верных друзей находил я повсюду.
Они мне погибнуть в пути не давали.
Я выжил. Спасибо рабочему люду!

Я землю измерил босыми ногами,
Обид не снося, проявляя упорство,
С муллою, со старостой и кулаками
Вступая в неравное единоборство.

И так досадил я им первой же песней,
Что был под судом, лихоимцам в угоду,
В Хунзахе томился я в камере тесной,
И снова я выжил. Спасибо народу!

Страну, что когда-то под плетью металась,
Я вижу теперь в небывалом расцвете,
Не семьдесят лет моя жизнь продолжалась,
А семь удивительных тысячелетий.

Живи же и ты средь народа родного
Не гостем, что ветром заброшен попутным,
Не в месяцы творческих командировок,—
Всегда, ежедневно и ежеминутно.

Поэзия — это не звонкая фраза.
Поэзия людям нужна, как дыханье,

Как старости посох, как зрелости разум,
Как детству игрушки, как юности знание.

Поэт не факир и не канатоходец,
Что кланяться должен и вправо и влево.
Поэт — не танцор, подчинившийся моде,
Готовый плясать под любые напевы.

Поэта сравню лишь с орлом — он и зорок,
И смел, и силен. Распластав свои крылья,
Летит он, — ни тучи, ни снежные горы
Бескрайний его кругозор не затмили.

Отчизны простор неоглядно огромен.
Будь всюду как дома, люби эти дали.
Но помни всегда и аул свой, и домик,
Где мать и отец тебя в зыбке качали.

Будь связан с родимым народом. Пусть мал он,
Живущий на кручах, на скалах отвесных,
Тебе, как наследство надежное, дал он
Язык, на котором слагаешь ты песни.

Аул, где тебе довелось народиться,
Пускай он под самые тучи закинут,
Он — родины нашей живая частица,
Он связан с великой Москвой воедино.

Пускай эти горы, где стал ты поэтом,
На карте отмечены точкою малой,
Народ озарил их немеркнущим светом,
Чтоб точка на карте звездой засияла.

Кто край свой не чтит с постоянством сыновьим,
Тому не понять и далекие земли.
Кто отчему дому не внемлет с любовью,
Тот глух и к соседям, тот братству не внемлет.

Мой дом невелик и ничем не украшен,
Лишь окна сияют — источники света.
Отсюда я видел всю родину нашу,
Отсюда я видел всю нашу планету.

Здесь дружбу я пел, прославлял изобилье,
Здесь голос и гневом звенел и печалью,
Отсюда сыны мои в бой уходили,
Сюда победителями возвращались.

Отсюда я видел героев Мадрида,
Сражавшихся доблестно в схватке смертельной.
Здесь плакал от боли и тяжелой обиды,
Узнав, что расстрелян фашистами Тельман.

Тут, скован недугом, слабея, старея,
Сынок, я страдал не от собственной хвори, —
Из этих вот окон я видел Корею,
Мне душу терзало далекое горе.

С друзьями дели и веселье и беды,
Весь мир пред тобою от края до края.
Будь скромн, отзывчив, все чувства изведай.
Тебе свою боль и любовь завещаю...»

С глазами закрытыми слушал отца я.
Открыл их — стою посреди кабинета.
И в комнате пусто. Лишь луч озаряет
Бумаги, и книги, и раму портрета.

Я встал, повинуюсь далекому зову,
И, словно боясь опоздать на мгновенье,
Из дома я вышел. Полоской багровой
Сверкает заря над раздольем весенним.

И дети в уютных постелях спросонок
Предчувствуют праздничный миг пробужденья.
Уже оседлали коня-почтальона,
Он с цокотом скоро пройдет по селенью.

В саду над обрывом плоды еще дремлют —
Их зрелости время пока не настало,
И солнце, чуть-чуть осветившее землю,
Еще не достигло дневного накала.

Птенцы желторотые нежатся в гнездах,
Еще не окрепли их слабые крылья.
Еще не согрелся предутренний воздух,
Бутоны еще не повсюду раскрылись.

Вот так и стихи во мне дремлют, как дети,
Как птицы, готовые к полету,
Как завязь в саду, как цветы на рассвете,
Проснутся они — им пора за работу.

Я в дом поспешил, нетерпением охвачен,
К рабочему месту отца... Вдохновенье
Меня обдавало волною горячей.
В дорогу, без отдыха! Без возвращенья!

1953

БРАТ

1 Вовеки не забудется такое.

В те дни дышалось тяжело и в горах,
А тут была равнина за рекою
Сера, как пепел, как летучий прах.

Тропа вела вдоль мутного канала
Туда, где от воды невядалеке
Лопата одинокая лежала
На осыпи, на свежем бугорке.

...Я не забыл глаза скорбящей мамы
И горький взгляд Гамзата Цадаса,
Когда плясали строки телеграммы
В ладонях потрясенного отца.

— Сынок, поедем... Собирайся к брату,—
Сказал он, обернувшись на ходу.
Судьба несла нам новую утрату
В том сорок третьем памятном году.

Мать, обессилов от немых страданий,
От злых предчувствий и глухих тревог,
Впервые в жизни августовской ранью
Нас проводить не вышла за порог.

О как ты изменилась, дорогая,
Под гнетом иссушающих вестей!
Отчаянье свое превозмогая,
Отец печально улыбнулся ей.

Над Каспием дышали раскаленно
Пески, жаровней неоглядной став.
И от махачкалинского перрона,
Протяжно свистнув, отошел состав.

А в том составе был вагон почтовый.
Не прерывалась письменная связь.
И мы с отцом пустились в путь суровый,
В купе служебном скромно примостясь.

Нас приютили вопреки закону,
Но были сплошь забиты поезда,
И доступ к неприступному вагону
Открыла нам семейная беда.

Мы всю дорогу тягостно молчали,
Стремясь в далекий город Балашов.
Казалось, нам вослед глядят в печали
Вершины гор в наплывах ледников.

О Балашове в первый раз, пожалуй,
Мы услышали. Брат мой, Магомед,
Опасно ранен, полыхая жаром,
Был в тамошний доставлен лазарет.

Еще живой, в бреду, на узкой койке
Он там пылал уже немало дней.
Засевшие в груди его осколки
Огнем горели и в груди моей.

Я помню час, когда средь многих горцев,
Родню покинув и цадинский дом,
Он твердо стал на путь противоборства,
Свой стан армейским затянув ремнем.

О Каспий, отчего ты так спокоен?
Слух до тебя неужто не дошел
О том, что рухнул твой земляк, твой воин,
Что бурей расщепило стройный ствол.

...Вагоны застревали на вокзалах
Среди руин, чернеющих вокруг.
Навстречу нам везли солдат бывалых,
Кто без ноги, кто без обеих рук...

За окнами в селеньях обветшалых
Дома безлюдны были и темны,
Как птичьи гнезда на аварских скалах,
Что вспышкой молнии разорены.

Так длился путь томительный и долгий
В пыли крошечной, в сумрачном дыму.
Но впереди забрезжил облик Волги,
Как свет надежды, пронизавший тьму.

У Сталинграда в стареньком вагоне
Отец, приблизясь к узкому окну,
Прикрыв глаза широкою ладонью,
Стоял и грустно слушал тишину.

Стоял он так и час и два, как будто
Ему глаза лучами обожгло.
Потом вздохнул он, повернулся круто,
На полку опустился тяжело.

Отец, безмолвье ты хранил угрюмо,
Но я, присевши рядом, на краю,
Мгновенно угадал, какие думы
Все ниже клонят голову твою.

Терзает брата жженье вражьей стали,
Напрасно ждут его в родном доме.
Родитель мой, неужто опоздали
Мы к первенцу, любимцу твоему?

2 Мы опоздали с тобой, опоздали...

Вспомню — и вновь разрыдаться готов.
Госпиталь встретил нас тихой печалью,
И безутешно молчал Балашов.

С коек страдальцы с участием глядели
Двум потрясенным пришельцам вослед.
Возле пустой и холодной постели
Мы задохнулись... Его уже нет!

На костыли опираясь, солдаты
Нас обступили. Но где Магомед?
Стены, и двери, и окна палаты —
Всё на местах. А его уже нет.

Даже врачи — победители смерти —
Нам виновато твердили в ответ:
— Сделано все, что возможно, поверьте...—
Верим, друзья. Но его уже нет.

Был среди них санитар-дагестанец.
Он поначалу стоял в стороне,
Но подошел к нам, когда мы остались
С горем безжалостным наедине.

Тихо поведал земляк наш, аварец:
— С вами мечтал повидаться сынок.
Ждал он. Слезами душа обливалась.
Жаждал свиданья. Дождаться не смог.

Как он мечтал, чтоб закрыл ему веки
Кровный отец из аула Цада...—
Не зарубцуется это веки,
Не остывает такая беда.

— Он вам писал...— Из кармана аварец
Бережно вынул тетрадный листок.
«Мама, отец...» — Но строка, обрываясь,
Вниз поползла. Дописать он не смог.

Книгу отца, что в боях обтрепалась,
Брат нам оставил на память. А в ней
Карточка нашей Пати оказалась —
Он тосковал по дочурке своей.

Девочке этой — смотрю я на фото —
Больше родителя не увидеть.
Брат мой, ушел от семьи далеко ты,
Как обездолил ты бедную мать!

...Но продолжается путь наш трехдневный.
От Балашова большак повернул
К избам саратовской тихой деревни,
Маленькой, словно аварский аул.

Дальше тропинка вела вдоль канала
К месту, где горец недавно зарыт.
Нет, не свидание нам выпадало,
Только прощанье навеки, навзрыд.

Рядом теснились могилы другие.
В них после боя почили сыны
Армии нашей, бескрайней России,
Разных народов, единой страны.

...Ехали мы сквозь тревожные дали
И к Магомеду зывали: — Держись!..—
Брат мой держался. Но мы опоздали,
Мы опоздали на целую жизнь.

- 3 **Пылало небо блеклое, сквозное,**
Поникли травы на степных буграх.
Была земля под августовским зноем
Сера, как пепел, как летучий прах.

Лежала степь в пожарищах, руинах,
Мерцала обмелевшая вода.
Как далеки от этих мест равнинных
Аул Хунзах и наш родной Цада!

Как далеки отсюда наши скалы,
Где в сакли заплывают облака,
Где юность Магомеда протекала,
Бурливая, как горная река.

Вновь школьный колокольчик услышать бы,
Или веселый барабанный бой,
Или бурление многолюдной свадьбы,
Весь гомон жизни, прерванный войной.

Доселе брата ожидают горы,
Его состарившаяся жена
И все ученики его, которых
Уже, увы, покрыла седина.

Учитель молодой, простым солдатом
Покинул ты свой дом, родную высь,
И нет конца каникулам проклятым,
Которые в то лето начались.

...Ты в пору обороны сталинградской
Не оплошал среди однополчан,
В разноязычье фронтового братства
Достоинно представляя Дагестан.

Иссечен сталью и свинцом прострочен,
Держался город, мужество храня.
Здесь дымный день вставал темнее ночи,
А ночь была багровой от огня.

Все сотрясал сражений гул зловещий,
Но в ноябре у заданной черты
Противника умело взяли в клещи
Взаимодействующие фронты.

А в феврале ты видел, брат мой старший,
Как пленные по улицам брели,
Как из подвала вышел их фельдмаршал,
Худой, озябший, в бункерной пыли.

Но впереди еще простерся длинный,
Тернистый путь — числа сраженьям нет.
Дорогой той до самого Берлина
Тебе дойти хотелось Магомед.

...Прямое попаданье, вспышка взрыва.
И ты, доставлен в госпитальный тыл,
Под скальпелем хирурга терпеливо
Немыслимую боль переносил.

Надежды затаенной не утратив,
Ведя со смертью непрерывный бой,
Ты запрещал соседям по палате
Послать известье грустное домой.

Уже с весною птицы возвратились
И щедро щебетали за окном.
Ты слушал их, вернуться к жизни силясь,
Желанием немеркнувшим влеком.

Хоть покрывала смертная остуда
Холодным потом бледное чело,
Врачи еще надеялись на чудо,
Но только чуда не произошло.

Уже к Орлу сраженье подходило,
Разросся наступления накал.
А у тебя вконец иссякли силы,
И ты проститься с нами пожелал.

Но мы непоправимо опоздали,
Посланцы сиротеющей семьи.
Мы опоздали. И бессмертьем стали
Бессрочные каникулы твои.

...В саратовской земле останки брата
Покоятся среди других могил.
Лежит на скромном бугорке лопата —
Ее могильщик унести забыл.

Два пришлых горца, с горем и любовью
Склонились мы над холмиком родным.
Скорбели и у ближних изголовий
Приезжие... Мы поклонились им.

Товарищи по боли, по разлуке,
По праву безутешного родства,
Друг другу молча мы пожали руки.
Что скажете тут? Беспомощны слова.

Обычай гор, что освящен веками,
Велит над свежим траурным холмом
Воздвигнуть наш цадинский скромный камень
И высечь эпитафию на нем.

Но в Балашове нет ни гор, ни скал,
Нет мастеров работы камнесечной.
И Цадаса слова печали вечной
На временной дощечке начертал.

Вершины гор связав с раздольной степью,
Он деревцо на память посадил
У ног твоих, чтоб юных листьев трепет
Судьбу испепеленную продлил.

4 Покоя не ведали мы в Балашове
Три дня и три ночи подряд.
Согбенный отец на могиле сыновей
Встречал и рассвет и закат.

И солнце и месяц, друг друга сменяя,
Почетный несли караул.
Нас тихо омыла вода дождевая,
Степной ветерок охлестнул.

Но мы не заметили ветра и зноя,
Вечерних и утренних рос.
Покрылся отец снеговой белизною,
А я потемнел и оброс.

Но вот расставанья минута настала,
Упал на колени Гамзат,
Он к небу взывал, и к земле припадал он,
Отчаяньем черным объят.

— Прощай, твои годы прошли быстротечно,
Надежда моя, Магомед!
Ты праведно жил, воевал безупречно,
Мой мальчик, души моей свет.

Любовь моя, первенец мой незабвенный,
Джигит, устремившийся в бой,
Когда б не помехи дороги военной,
Я мог бы проститься с тобой.—

Две горьких, две трудных слезы обронили
Два горца, домой уходя.
Казалось, что с круч дагестанских к могиле
Скатились две капли дождя.

5 Не будет нам и в старости покоя,
Мы позабыть такое не вольны...
В степи, над легендарною рекою,
Не умолкают отзвуки войны.

О ратники, залечивайте раны
И снова отправляйтесь в дальний путь.
И вы, врачи, трудитесь неустанно,
Мы вас ни в чем не можем упрекнуть.

Бегут враги, клубится пыльный след их,
Но слышен плач сиротский, вдовий стон.
Где душегуб, убивший Магомеда,
Где он петляет, где укрылся он?

Сжимая кулаки, глотаю слезы,
Шагаю по вагону взад-вперед.
И рыжий шлейф над старым паровозом,
Раздваиваясь, медленно плывет.

Расколот мир, и кажется, что мчится
Состав по этой трещине земной.
Мелькают избы, полустанки, лица,
И Волга остается за спиной.

А хлопья гари за окном повисли,
Земля летит за треснувшим стеклом,
Раздваивая тягостные мысли,
Что мечутся между добром и злом.

Прислушиваясь к скрежету и гулу,
Мы сумрачно торопимся назад.
Чем ближе мы к родимому аулу,
Тем дальше мой незаменимый брат.

Отца изводит новая утрата,
В окно глядит он, видит мгlistый дым.
Но перед ним стерильная палата,
Забытая лопата перед ним.

Как будто в госпитале, в Балашове,
Мы все еще находимся досель,
И убрана подушка с изголовья,
И стынет опустевшая постель.

...Мы едем по воюющей России,
Начав обратный безотрадный путь.
Я прикрываю веки, обессилив,
Уже не смея на отца взглянуть.

О, как он часто и тоскливо дышит,
Как постарел певец Кавказских гор!
Его сейчас не вижу я, но слышу
Безмолвный непрерывный разговор.

Знакомые слова аварской речи
Звучат и под землей и на земле,
И та, несостоявшаяся, встреча
Мне чудится в вагонной полумгле.

Доносится глухой гортанный клекот.
Улавливаю в скорбной тишине:
«О Магомед!..»

И голос издалёка

Вещает:

«Не печалься обо мне.

Ведь ты не одного меня утратил.
Моя душа об Ахильчи скорбит.
Подумаем вдвоем об э т о м брате,
Он был моложе, раньше был убит.

Я хоть в земле почил. Мою могилу
Душа родная навестить придет.
Но Ахильчи волна похоронила,
Приняв его подбитый самолет.

Морской орел парил за облаками...
Подводный пантеон необозрим.
Уж тут не водрузишь могильный камень
И не посадишь дерево над ним.

Отец, мой век недолог был, но все же
Я сладость жизни как-никак вкусил.
Наш Ахильчи совсем немного прожил,
Пал, не растратив юношеский пыл.

Два истых горца, мы не знали страха,
Местами поменяться мы могли б.
Ты первым на меня надел папаху,
Уж лучше бы я первым и погиб».

«Ах, Магомед, не знаю, что ответить.
Кто знает меру горечи моей?
Как дальше буду жить на этом свете,
Утратив дух любимых сыновей?

Один ушел в пучину Черноморья,
Другой дожидаться не сумел отца...
Лишь тот, кто испытал двойное горе,
Меня понять сумеет до конца».

«Отец,— в ответ я слышу,— нам труднее
На дне морском и в глубине земли.
Ведь гибелью безвременной своею
Мы нашим близким горе принесли.

Мы принесли вам новые морщины,
Отец родной и дорогая мать.
Я бедную жену свою покинул,
Как без меня ей дочку воспитать?

Но ты учил нас побеждать страданье,
Не замыкаться в горести своей.
Взгляни — на бесконечном поле брани
Убиты миллионы сыновей.

Ты знаешь, от какой погиб я раны,
Тебе мой друг поведал обо мне.
А сколько есть героев безымянных,
Чей след пропал в прожорливом огне?

Я, может быть, в стихах твоих воскресну,
В строке Расула оживу на миг.
А сколько их, достойных, но безвестных,
Что не войдут в проникновенный стих?

Ты не казись, не думай непрестанно
О нас, ушедших,— мы живем в тебе,
В твоих делах во славу Дагестана,
В твоей неиссякающей судьбе».

...Опять вокзалы, деревеньки, люди,
А впереди и Каспий, и Цада.
Крутые горы, как седые судьи,
Нас встретят — что мы скажем им тогда?

Навстречу выйдет мать. Куда нам деться?
Невестка спросит: «Где же мой супруг?»
Ее дочурка спросит: «Где отец мой?»
Папахи снимем. И замкнется круг.

Познала мать немало испытаний,
Жене пришлось в горнило их войти.
Всего труднее ранить возраст ранний,
Сказав всю правду маленькой Пати.

Быть может, на далеком перегоне,
Из Балашова в наш аварский тыл,
Отец в почтовом обжитом вагоне
Стихи для бедной внучки сочинил?

Те строки, продиктованные горем,
Цадинцы могут вслух произнести.
Теперь на память знает каждый горец
Стихотворенье «Маленькой Пати».

Теперь оно и в русском переводе
Звучит, войдя в наследие отца,
Напоминая о суровом годе,
О мужестве Гамзата Цадаса.

6 Среди разора и печали
Земных красот не знали мы,
Весенних дней не отличали
От будней тыловой зимы.

Но вот за всю войну впервые
Открылся мир листвы и трав.
Солдаты шли домой, живые,
Победу в мае одержав.

Весна обильно увенчала
Вернувшихся под отчий кров.
В те дни, казалось, не хватало
Вершинных луговых цветов.

Война из каждого аула
Призвала многих сыновей.
Она, увы, не всех вернула,
Но стало на земле светлей.

Боец явился с поля брани,
Людей надеждой озарив,
Пускай контужен или ранен,
Но все-таки он жив, он жив!

И это счастье стало общим,
Оно и к нам стучится в дверь.
Мы радуемся, мы не ропщем,
Наследники своих потерь.

Оборотясь к теплу и свету,
Стремясь управиться с бедой,
Воспел стихами славу эту
Гамзат, совсем уже седой.

Гремели щедрые салюты,
Везде видны, везде слышны.
Но выпадали и минуты
Святой и горькой тишины.

Когда смолкает ликование,
Задремывая до утра,
Тогда бессонной старой ране
Открыться самая пора.

Отец мой, бодрствуя ночами,
Накинув бурку в тишине,
Молчал... Но суть его молчанья
Опять была понятна мне.

Он видел тех, кому Победа
Сплела прижизненный венок.
Любой похож на Магомеда,
Ведь так и он прийти бы мог.

А вдруг... Хотя у Балашова
Почил израненный боец,
Но лучик ожидания снова
Зажегся для живых сердец.

А вдруг... Хотя в морской пучине
Уснул крылатый Ахильчи,
Но как не помечтать о сыне?
О безнадежность, помолчи!

Случается, что похоронка
Лежит в родительском дому,
Но ветеран приходит с фронта,
Воскресший вопреки всему.

Кто в плен попал, кто к партизанам
Ушел из вражеских тенёт.
Пропавший без вести неожиданно
Благие вести подает.

Пусть хоть один, пускай хоть на день
(Поэты верят в чудеса!)
Придет домой во всем параде
И сын Гамзата Цадаса.

Но нет, увы, таких вагонов,
Что привезут его сюда.
Он там, где двадцать миллионов
От нас ушедших навсегда.

7 Давно уж стал я круглым сироткою,
И голова моя белым-бела.
В душе теснится все пережитое,
Дорога круто под уклон пошла.

Я был когда-то молодым да ранним,
Но повзрослели дочери мои.
Уже я предаюсь воспоминаньям
В кругу друзей, в кругу своей семьи.

Но что б ни делал я, куда б надолго
Ни уезжал, свершая путь земной,
В тревожных снах все чаще вижу Волгу,
Саратовские степи предо мной.

В купе, в каюте, в реактивном рейсе
Мне чудится, что в давнем том году
Вагон почтовый движется по рельсам
И в Балашове скоро я сойду.

А там деревня, знойное побережье,
Последнее пристанище бойца...
И я стою перед могилой свежей,
Поддерживая скорбного отца.

...Видения безжалостные эти
Тиранили его и в поздний час.
Чем меньше остается жить на свете,
Тем чаще память обступает нас.

Высказывая все, что наболело,
Дряхлея, он произносил в тоске:
— Ветров и гроз немало пролетело,
Неужто стерлась надпись на доске?

И мама пересохшими губами
Мне повторяла на пределе сил:
— Я вижу, как лежит цадинский камень
На месте том, где Магомед почил.

Земли аварской горсточку сперва ты
Смешай, Расул, с могильной почвой той,
Потом живое деревце Гамзата
Полей цадинской ключевой водой.

Звучали те слова как завещанье.
Куда б ни ездил, ни летал, ни шел,
Себе весной давал я обещанье,
Что к августу поеду в Балашов.

Недели пролетали вереницей...
Увы, теперь я в будущем году
Приду могиле брата поклониться
И к ней, уже заросшей, припаду.

8 Но опоздал я, снова опоздал...
От островов японских до Каира
Полмира я объездил, облетал,
Не созерцатель, а ревнитель мира.

Въездная виза, проездной билет,
Все при тебе — кружись по белу свету,
Невольню нарушая свой обет,
Но подчиняясь общему обету.

Спешил я — ждали срочные дела.
Но без ответа оставался вызов
В тот край, куда меня душа вела,
Где никакой не требуется визы.

Экватор я на судне пересек,
Полярный круг — на лайнере крылатом,
А в Балашов наведаться не смог,
Опять в долгу остался перед братом.

В Америке за тридевять земель
Я помнил о невыполненном долге.
Мне снился тихий городок близ Волги,
В который не собрался я досель.

А в Мозамбике я почтил венком
Всех африканцев, павших за свободу,
Проникшись вечным фронтовым родством
И заново познав его природу.

Я в Бухенвальде услышал набат,
Прошел сквозь ад — его зовут Освенцим.
И в Трептов-парке был, где наш солдат
Стоит, держа спасенного младенца.

А в Хиросиме, где развеян прах
Людей, которые теньями стали,
Я написал стихи о журавлях,
Исполненные песенной печали.

Я голову безмолвно обнажил
У Пискаревского мемориала,
И там, среди бесчисленных могил,
Строфа Берггольц торжественно звучала.

Ее слова, что врезаны в гранит,
Потомству адресованы открыто.
Никто не будет на земле забыт,
Ничто не будет на земле забыто.

Меня вблизи от Минска обожгла
Печальная мелодия Хатыни.
Негромкие ее колокола
Не умолкают в памяти поныне.

У Вечного огня в Москве моей,
Где похоронен воин неизвестный,
Стремление беречь живых друзей
Внезапно тоже обернулось песней.

...Слез набежавших не стерев с лица,
Опять справляя траурную дату,
Я прихожу к надгробию отца.
И вопрошает он: «Ты съездил к брату?»

Над холмиком, где мать погребена,
Стою, молчу, вздыхаю виновато.
Я знаю, спрашивает и она:
«Расул, давно ли навещал ты брата?»

И совесть беспокойная опять
Допытывается в часы ночные:
«Скажи, неужто павших забывать
Мы начинаем, братья их живые?»

Но если мы забудем их, тогда
Ни пакты не спасут, ни договоры
Весь этот мир — и новая беда
Обрушится на города и горы.

Так говорят мне русские леса
И камни поседевшие Европы,
Родитель мой, столетний Цадаса,
Мой личный, тоже многолетний опыт.

На всех широтах, где солдаты спят,
У каждого святого обелиска,
Беседует со мною старший брат,
Хотя до Балашова и неблизко.

И деревце, что посадил отец,
Поднявшееся над степной могилой,
Мне шепчет: «Приходи же наконец!»
Не молкнет этот зов зеленокрылый.

Есть кровная, испытанная связь,
Надежная, как почта полевая.
Она ни разу не оборвалась,
Всех павших и живых соединяя.

Гудит бессонный провод: «Не забудь!»
И связан с братом линией прямою,
Я наконец-то отправляюсь в путь,
В тот давний путь. Но нет отца со мною.

О И снова лето полыхает в мире,
Полдненным солнцем золотя листву.
По неоглядной, многоводной шири
Я к берегам саратовским плыву.

На Волге — дни большого урожая.
Степь залита сиянием хлебов.
Саратовцы как друга провожают
Седого горца в город Балашов.

Я вспоминаю — Пролетарской звали
Ту улицу, где мы нашли с отцом
Вместилище надежды и печали,
Битком набитый госпитальный дом.

Его уже не существует ныне,
Туда идти, пожалуй, ни к чему.
Скорей вперед, по всхолмленной равнине,
На поклоненье к брату моему.

Я ощущаю тайную тревогу.
А что, коль там ни знака, ни следа?
Как я пушусь в обратную дорогу,
Как возвращусь я к родичам тогда?

Но сам себя подбадриваю все же:
«Расул, терять надежду не спеши,
Могилу средь степного бездорожья
Сумей найти по компасу души».

Нашел, представьте! Вот деревня эта,
Вот обмелевший к августу канал.
А все ж при свете нынешнего лета
Я памятное место не узнал.

Все прежнее, но вроде все иное.
Стара могила брата и нова.
А может, от безжалостного зноя
И от волненья кру́гом голова?

Вот дерево, которое Гамзатом
Посажено над холмиком родным.
Оно ведь было крохотным когда-то,
А ныне тень огромная под ним.

А может, это не оно... Ведь рядом
Расположилась тень ветвей других.
Деревьев кроны не окинешь взглядом,
Другие руки посадили их.

Стволы взметнулись над степным простором,
На солнце блещут камень и металл.
Но где же та дощечка, на которой
Отец родное имя начертал?

Ужель она нигде не сохранилась?
В зеленой раме трепетных ветвей
Граненый обелиск недавно вырос
Над прахом незабвенных сыновей.

Как монумент утратам и победам,
Он мирным солнцем ярко озарен.
И высечено имя Магомеда
На мраморе среди других имен.

Сияют эти буквы золотые,
Как чистый отблеск Вечного огня,
Не выцветая, вопреки стихии
Метельного иль грозового дня.

Отец! Лежит лопата на могиле
Все та же... И лопатой старой той
Мы землю вокруг деревьев разрыхлили —
Одно из них посажено тобой.

Я, волю дав слезам своим обильным,
Благоговейно, как послушный сын,
Степную почву на холме могильном
Смешал с землей моих крутых вершин.

О мама, вновь я чист перед тобою.
Я твой наказ исполнил до конца,
Полив водою горной, ключевой
Разросшееся дерево отца.

Я из Цады привез надгробный камень.
Обветренный, он темен и суров,
Но обработан мудрыми руками
Искуснейших аварских мастеров.

Теперь я этот камень к обелиску
Почтительно и скромно прислонил,
И многим братьям поклонился низко,
Бессмертному содружеству могил.

Установленья отчего обряда
Не стал я даже в малом нарушать.
Близ Балашова, на могиле брата,
Три дня, три ночи я провел опять.

Незримые, в торжественном молчанье,
Несли со мной почетный караул
Собратья, земляки, односельчане,
Весь Дагестан и малый мой аул.

Сюда призвал я все свои дороги,
Все горы, все поля, все воды рек,
Все замыслы, искания, итоги,
Весь мир тревожный, весь двадцатый век.

Тут все сошлось — времен и странствий дали,
Все океаны, все материки.
И мы на этот раз не опоздали,
Годам и расстояньям вопреки.

10 Где б ни был я, когда гляжу на встречных,
Они похожи чем-то на меня.
Картины их воспоминаний вечных
Как жаркий отблеск Вечного огня.

Я обнимаю всю родню большую
И снова слышу, трепетом объят:
«Остановись, прохожий, здесь лежу я.
Защитник правды, твой безвестный брат».

Я подхожу к солдатским погребеньям.
Мне камни постаментов говорят:
«Остановись, товарищ, на мгновенье,
Здесь опочил твой незнакомый брат».

Везде, где есть печальные холмы,
На мой вопрос мне отвечают свято.
— Куда идете?
— На могилу брата.
— Откуда?
— Брата навестили мы.

...Но есть среди живых, сказать по чести,
И те, кто недостоин быть живым,—
Убийцы, скрывшиеся от возмездья,
Жестокие — опять нейметса им.

Они бесстыдно жаждут оправданья,
Наглеют, мир сегодняшний кляня,

Вынашивая гнусное желанье —
Лишить народы Вечного огня.

Но это очищающее пламя
Не погасить им силой никакой,
Ни снежными ветрами, ни дождями,
Ни бомбами, ни злобою людской.

Ведь если факел памяти погаснет,
Померкнет жизнь без этого огня.
Окажется, что жертвы все напрасны,
И ни тебя не будет, ни меня.

Все обернется гибелью, разором,
Цветенье мира превратится в хлам,
Лавина смерти по земным просторам
Прокатится, по рекам и полям.

Так говорит моя живая совесть,
Так утверждает мертвая зола,
Так говорю я, завершая повесть,
Что в сорок третьем начата была.

11 ...Из ближних странствий, из далеких странствий

Вернувшись в милый сердцу Дагестан,
С незыблемым сыновним постоянством
Спешу к священным для меня местам.

Сперва являюсь к матери с поклоном,
С рассказом — для меня она жива, —
И в шуме ветра, в шелесте зеленом
Я различаю тихие слова:

«Спасибо, сын! Тебе отвечу кратко.
Одна из наших дедовских примет
Гласит — коль нет на кладбище порядка,
Порядка и в самом ауле нет».

Я слышу наставления Гамзата,
Им вторит эхо снеговых высот:
«Пускай тропа к надгробию Солдата
Нигде и никогда не зарастет.

Расул, запомни, если будут люди
Бережь могилы павших сыновей,
Кровопролитья нового не будет,
И мир пребудет на планете всей».

...Вовек не зарубцуются такое:
Военный август, пыль седых дорог,
И лазарет, лишивший нас покоя,
И за древней серый бугорок,

Граненый обелиск, цадинский камень,
И памяти неутомимый зов,
И над могилой негасимый пламень,
И скорбный перезвон колоколов.

Смешав степную почву с нашей горской
И горсть земли с могилы брата взяв,
В аул Цада вступаю с этой горсткой,
В обитель песен, облаков и трав.

1978

ЗАРЕМА

ДАВАЙТЕ ПОЗНАКОМИМСЯ

Ясным утром на заре мой

Льется голос из окна.

Кто я?

 Девочка одна,

А зовут меня Заремой!

Родилась я в самом первом

Звонком месяце весны,

Ручейкам его напевным

Были улицы верны.

И никто детей не кутал —

Был погожий, ясный день,

Голубел высокий купол,

Сдвинув тучку набекрень.

Чувством радостным согреты,
Папы,
 многие притом,
Круглый год несут букеты
В колыбельный этот дом.

Удивительный, как чудо,
Он сравним не с чем-нибудь,
А с вершиною, откуда
Родники берут свой путь.

Им любятися ватаги
Белых тучек с высоты.
Стал он люлькою отваги,
Колыбелью красоты.

И у тихой колыбели
Песни ласковые тут,
По какому бы ни пели,
На один мотив поют.

ВЫСШЕЕ ЗВАНИЕ

...На Кавказе прошлых лет —
Это знаю я с пеленок —
Радость, что рожден ребенок,
Заряжала пистолет.

Ночь в окне иль час рассвета,
Но отец спускал курок
И вгонял из пистолета
Пулю в темный потолок.

В старину не без причины
В потолок летел свинец.
Разве званье для мужчины
Есть почетней, чем «отец»!

И, когда дождался вести,
Что явилась я на свет,
Счастлив был с друзьями вместе
Сесть за стол один поэт.

Там, где знатные бок о бок
Встали Запад и Восток,
Он послал двенадцать пробок,
Словно пули, в потолок.

Охватило сына гор
Чувство гордое при этом,

С коим он,
хоть слыл поэтом,
Незнаком был до сих пор.

И про первый свой успех
Расскажу не по секрету:
Званье высшее из всех
Я присвоила поэту.

Был он просто добрым горцем,
Был он просто молодцом,
Был он просто стихотворцем,
А теперь он стал отцом.

Я ЗНАКОМЛЮСЬ СО СВОИМ ОТЦОМ

Хорошо поэту пелось,
И легко дышала грудь,
И конечно, не терпелось
На меня скорей взглянуть.

Фантазеры все поэты.
Потому решил поэт,
Будто я с другой планеты
Прибыла, как яркий свет.

Дочь ничем не хуже сына.
И поэту в первый раз
Я предстала напоказ,
Как на выставке картина.

И пришел он в изумленье:
«Дочка — просто загляденье!»
И глядел,
 разинув рот,
Сквозь оконный переплет.

Я заплакала с испуга
И не знала об одном,
Что мой плач
 не режет слуха
Человека за окном,

Что звучит мой плач, как скрипка,
Как свирель или зурна,
Для мужчины, чья улыбка
Ликовала у окна.

Думал он:
 «Скажи на милость!
Схожа с маковкой вполне,
Существа не приходилось
Видеть крохотнее мне».

ЧТО Я ПОДУМАЛА

Я слегка поджала губки.

Словно думала:

«Ну что ж,

Согласовывать поступки

Ты теперь со мной начнешь.

Будешь вскакивать с постели

И бежать на голос мой.

И тебя в тиши ночной

Песни петь у колыбели

Научу я под луной.

И смогу,

как ни работай,

И в десятый раз и в сотый

Помешать тебе на дню,

И отцовскою заботой

Я тебя обременю.

Заведу свои порядки,

И, как маленький, играть

Ты со мною будешь в прятки,

Будешь, словно на зарядке,

Головою вниз стоять.

Будешь ты мне подчиняться,

Делать то, что прикажу,

То заставлю рассмеяться,
То возьму и рассержу.

То займусь сама игрою,
То включится вся родня
И, как старшую, порою
Будет слушаться меня.

Любопытство — не причуда,
Всех вопросами дойму:

«Для чего?..

Зачем?..

Откуда?..

Сколько?..

Где и почему?..»

И тебе еще придется
Много раз наверняка
Превращаться в иноходца,
Мне — в лихого седока.

И теперь тебе не просто
Задержаться где-нибудь
И домой вернуться поздно,
Дверь толкнув тихонько в грудь.

Может девочкою малой
Быть посредник и судья —

Стал брильянт,
 хоть мал, как точка,
Славой ценного кольца,
Так и маленькая дочка
Станет славою отца.

И во мне — твоей кровинке,
Словно солнышко в росинке,
Для тебя — таков закон —
Будет мир весь отражен.

Сердце греет человека,
Не скупится на тепло,
Хоть само оно от века,
Словно искорка, мало.

С первой маленькой смешинки
Смех рождается всегда,
А метель седым-седа
С первой маленькой снежинки.

Ниву желтую несложно
Увидать за колоском,
И соленый берег можно
Видеть в камушке морском.

А за вишенкою алой
Лето красное встает,

А за девочкою малой —
Вся семья и целый род.

Край, что исстари не робок,
Край, что исстари высок,
Край, где знатные бок о бок
Встали Запад и Восток.

Я ПРОЩАЮСЬ С ДОМОМ,
В КОТОРОМ РОДИЛАСЬ

День за днем бежал к апрелю,
И сверкая и лучась.
Дал приют мне на неделю
Дом, в котором родилась.

Дом весь белый, словно утро
Преулыбчатого дня,
Стал гостиницей как будто
На неделю для меня.

Но у мира на примете
Новорожденные дети —
Не теряют зря минут
И быстрее грибов растут.

А у самого порога,
Где исток брала дорога,
Где на солнце таял снег,
Ждало двадцать человек.

В чувствах родственных прилежный,
Надо мной сомкнулся круг,
И ко мне с любовью нежной
Протянулось сорок рук.

И поэт к орлиным кручам
Сердцем рвался оттого,
Что меня признали лучшим
Сочинением его.

И, похожий на мальчишку
Озорством своим чуть-чуть,
Ветер, мчавшийся вприпрыжку,
Крикнул мне:
«Счастливым путь!»

Зайчик солнечный, веселый
На меня решил взглянуть,
Тополь веточкою голой
Мне махнул:
«Счастливым путь!»

А горы, крутой и властной,
Словно выдохнула грудь:

«Здравствуй, маленькая! Здравствуй!
Поздравляю! Добрый путь!»

Плыли белые, как хлопок,
Облака в сквозной денек.

«Добрый путь!» —

сказал Восток,

Запад, ставший с ним бок о бок,
То же самое изрек.

Край небес вдали задела
Моря синего волна.
Как зовут меня?

Зарема!

Кто я?

Девочка одна!

ГОРЫ СНИМАЮТ ШАПКИ

Месяц март. Весны зачин,
Скоро птиц примчатся хоры.
Шутит родич мой один:
— В честь тебя снимают горы
Шапки белые с вершин.

Сели с мамой мы в машину,
Придышалась я к бензину.
— Чья ты, девочка, не скроешь! —
Улыбается шофер.—
Драгоценнее сокровищ
Не возил я до сих пор!

И уже мое рожденье
(Новым гражданам почет)
Городские учрежденья
Разом взяли на учет.

Райсовет.

Должны все дети
Записаться в райсовете.

Для девчонок и мальчишек
Позаботится он в срок,
Чтобы вдоволь было книжек,
И ботинок, и чулок.
Чтоб игрушек всем хватило,
Молока,
 картошки,
 мыла,
Вдоволь было бы конфет,
Были перья и чернила,
И тепло в квартирах было,

И горел в квартирах свет.
Дело знает райсовет!

Он для счастья человека
Разрешает сто задач.
И работает аптека,
И спешит к больному врач.

И автобусы

минутам

Строго счет ведут в пути.
И спешат по всем маршрутам
Пассажиров развезти.

И подходит к школьной парте
Ученик,

держа портфель...

Как весной пахнет в марте,
Как звенит ее капель!

Принимайте в синь, просторы,
В необъятную семью,
Небеса, моря и горы,
Дочку малую свою!

Мчит вода, как заводная,
И бежит ручей к ручью.
Принимай, страна родная,
Дочку малую свою.

Подними меня высоко
На плече своем крутом,
Чтобы видела далеко
Я на тыщу верст кругом.

Льются солнечные нити
На челнок земного дня.
Люди милые, примите
В человечество меня!

НА КОГО ПОХОЖА Я?

И на улицах центральных,
И вблизи снегов крахмальных,
Где в лугах трава, как шелк,
Ближних родичей и дальних
У меня есть целый полк.

Говорит один упрямо:
— Дочка — вылитая мама! —
Возражают:

— Ты слепец,
Дочка — вылитый отец!

Пусть там спорят, как хотят,
Пусть хоть бьются об заклад,

Но от сердца до собольих
Бровок темных, словно ночь,
На родителей обоих
Походить сумеет дочь!

КАК МНЕ ДАВАЛИ ИМЯ

За столом пируют гости.

Встал старик.

Виски белей

Газырей¹ слоновой кости,

Славных горских газырей.

Поднял рог с вином янтарным,

Как в гостях заведено,

И движеньем благодарным

Добрый хлеб макнул в вино.

А со времени седого,

Если хлеб макнуть в вино —

Значит, с клятвой схоже слово

И торжественно оно.

¹ Газырей — костяные нагрудные гильзы для пуль.

Молвил он:

— Людей когда-то,
Безднам всем наперекор,
Жажда воли, а не злата
Привела на гребни гор!

Теплый ветер

колыбели

Горцев маленьких качал,
И, дробясь о ребра скал,
Им речушки песни пели.

И однажды из тумана,
Как на крепость великана,
В свой поверив талисман,
Двинул войско шах Ирана
На кремневый Дагестан.

На отвесных камнях серых,
У разгневанной реки,
Шахских встретили аскеров¹
Обнаженные клинки.

Дым, что клочья черной шерсти,
Застил красный небосклон,
Вскоре дрогнули пришельцы:
Кто убит, а кто пленен.

¹ Аскеры — воины.

Окружили люстру вмиг,
Стала люстра незаметной.
Подозвал Захру старик —
Звездочку поры рассветной.

И шепнул на ушко мне:
— Видишь, как Захра прекрасна,
В ней, волшебной, все согласно
С пробуждением в вышине.

Рядом звездочка другая
Ярко блещет у окна.
Приглядишься-ка, дорогая,
Как застенчива она.—

И добавил вслед затем он:
— В сонме звезд ночной поры
Названа она Заремой —
Младшею сестрой Захры.
Будь Заремой и ты,
Славной тезкою звезды.
И гори, гори высоко —
Всем мила твоя краса...—
Звездный рой, дождавшись срока,
Возвратился в небеса.

И, сверкая во Вселенной,
Вспоминал он тамаду.
И сказал старик почтенный:
— Пью за девочку-звезду!

ПЕСНЯ БАБУШЕК

День за днем бежал, торопок,
Мчалось время, как седок,
Там, где знатные бок о бок
Встали Запад и Восток.

Где с любовью сложена
Обо мне была поэма.
Кто я?

Девочка одна!
Как зовут меня?
Зарема!

Словно лучшую из строк,
Это имя повторяет
Папа мой — стихов знаток,
И меня под потолок,
Улыбаясь, поднимает.

И одна у мамы тема,
День-деньской твердит она:
— Ешь, Зарема! Спи, Зарема!
Ты, Зарема, не больна?

Снова утро заалело,
Стриж пронзает высоту.
«Выходи гулять, Зарема!» —
Распеваает на лету.

Деревцо, хоть с виду немо,
Говорит со мной оно:
«Выходи гулять, Зарема!» —
Веточкой стучит в окно.

Снег и дождь, огонь и реки,
Лес и дол в родном краю
Предложили мне навеки
Дружбу верную свою.

Волны моря в темной пене,
Рядом с морем в лунный час
Колыбельные мне пели
Обе бабушки не раз.

И мое звучало имя,
Новь связав и старину.
Песен много спето ими,
Я из них спою одну.

«Пусть тебе приснится новый
Сон, как облачко, пуховый,
Сладкий-сладкий сон медовый...
Спи, Зарема, засыпай,
Баю-бай!

Ты не знаешь горькой доли,
Глазки сонные смежи.

Мы родились в хлебном поле,
В хлебном поле, у межи.

Взяв для хвороста корзинки,
Застелив травую дно,
В них домой нас по тропинке
Принесли давным-давно.

И заглядывать у печки
В колыбели к нам могли
И телята и овечки —
С ними рядом мы росли.

Времена теперь иные,
Лучше сказок времена.
Рады девочке родные,
Весь народ и вся страна.

На лошадке каракóвой
Прибыл сон к тебе медовый,
Сон, как облачко, пуховый...
Спи, Зарема, засыпай,
Баю-бай! »

ВСТРЕЧИ НА УЛИЦЕ

Шла по улице пехота.

Я стояла в стороне.

Разом голову вся рота,

Повернув вполоборота,

На ходу кивнула мне:

«Знай, мол, девочка,

не кто-то

Говорит тебе, а рота!

День твой каждый, каждый час

Охранять моя забота,

У меня такой приказ!»

Я рукой бойцам махнула.

Вдруг улыбчивый старик —

Житель горного аула —

За моей спиной возник.

— Пусть тебя, — сказал он нежно, —

Солнце красное прилежно,

Выходя с рассвета в путь,

Будет за уши тянуть.

Длинноногий, вроде цапель,

Дождик, мастеру под стать,

Для тебя из теплых капель

Сможет бусы нанизать,

Чтобы ты росла большою
И счастливою росла,
Чтобы ты была душою
И богата и светла...

Он направился вдоль сквера,
Добрый дедушка.

И тут

Мне четыре пионера
В шутку отдали салют.

И, летя вдоль моря, поезд,
В свете солнечном по пояс,
Загудел:

«Уу-уу-у!

Покатать тебя могу-у!

Всем в вагонах хватит места,
Пусть быстрее летят года,
Твоего уже приезда
Ждут другие города».

Плыл дымок, держась за ветер,
Били волны о причал,
Самолет меня заметил
И крылами покачал.

Через улицу решила
Перейти и я на сквер.

«Стоп!» —

команду дал машинам
Зоркий милиционер.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЛЮДИ!

Незнакомых и знакомых

В пору снега и черемух,

Гордых,

памятливых,

смелых,

Именитых и простых,

Вдохновленных и умелых,

Не лукавых, не скупых,

Как ягнята, мягкотелых,

И похожих на детей,

И сердитых,

вроде белых

Или бурых медведей,

Я людей благодарю.

«Здравствуйте!» — им говорю.

Старожилов, новоселов,

И печальных и веселых,

Ладных, толстых и поджарых,

И молоденьких и старых,
В мастерских и на базарах,
Я людей благодарю.
«Здравствуйте!» — им говорю.

Корабельщиков, артистов,
Маляров и поваров,
Почтальонов и связистов,
И поэтов и министров,
И балхарских гончаров,
И портняжных мастеров —
Всех, кто строит, пашет, сеет,
Учит,

лечит,
хлеб печет,

Все хорошее лелеет,
С нехорошим бой ведет,—
Я людей благодарю.
«Здравствуйте!» — им говорю.

Вот рука,
чей каждый палец
С остальными заодно.
И совсем не мудрено,
Что и русский и аварец,
Украинец и грузин,
Дети гор,
степей,
равнин

Стали,
 распрям вопреки,
Пальцами одной руки.

И вблизи и вдалеке,
На каком бы языке
Ни беседовал в наш век
С человеком человек,
Я его благодарю.
«Здравствуй!» — гордо говорю.

ЧТО Я ДУМАЮ О ДЕТЯХ И КУКЛАХ

Не скакалку и не мячик,
Не картинки, не альбом,
Из Москвы прислал мне мальчик
Куклу в платье голубом.

Шлет из Лондона в подарок
Куклу девочка одна.
На коробке восемь марок,
Рядом — адрес без помарок.
Мне посылка вручена.

Платье белое на кукле,
Очи будто бы миндаль,
И нейлоновые букли,
И нейлоновая шаль.

А у нас таких не видно,
Хоть давно уже пора.
Мне от этого обидно.
Неужели вам не стыдно,
Детских кукол мастера?

Лев британских островов
Поднимает грустный рев.
Что завидует он Стрелке,
Что завидует он Белке,
Это знает целый свет.

Отчего же вместо кукол
В магазинах столько пугал?
Иль сложнее всех ракет
Славы кукольной секрет?

А игрушки в магазины
Мастерские шлют и шлют,
Шьют игрушки из резины
И матерчатые шьют.

Ведь в стране у нас детей,
Сколько в Англии людей.

Там, где Каспий непокладист,
Я расту, как все растут.
И меня еще покамест
Люди маленькой зовут.

Я мала, и, вероятно,
Потому мне непонятно,
Отчего вдруг надо мной
Месяц сделался луной.

На рисунок в книжке глядя,
Не возьму порою в толк:
Это тетя или дядя,
Это телка или волк?

Я у папы как-то раз
Стала спрашивать про это.
Папа думал целый час,
Но не смог мне дать ответа.

Двое мальчиков вчера
Подрались среди двора.

Если вспыхнула вражда,—
То услуга за услугу.
И носы они друг другу
Рассадили без труда.

И журавликов умевшей
Из бумаги вырезать.

А журавликов-то малость
Сделать девочке осталось...
Для больной нелегко труд,
Все ей, бедненькой, казалось —
Журавли ее спасут.

Журавли спасти не могут —
Это ясно даже мне.
Любям люди пусть помогут,
Преградив пути войне.

Если горцы в старину
Сталь из ножен вырывали
И кровавую войну
Меж собою затевали,
Между горцами тогда
Мать с ребенком появлялась.

И оружие опускалось,
Гасла пылкая вражда.

Каждый день тревожны вести,
Снова мир вооружен.

Может,

встать мне с мамой вместе
Меж враждующих сторон?

ПАПА ЧИТАЕТ ГАЗЕТУ

Вижу я: плывет луна

Над горами дыней зрелой.

Кто я?

 Девочка одна,

А зовут меня Заремой.

Папа сел поближе к свету,

Папа стал читать газету.

Весь в раздумья погружен,

Словно целую планету

Пред собою видит он.

В мире страны разные,

Есть и буржуазные.

Папа брови сдвинул строже,

И окинул папин взор

Ту страну долин и гор,

Где людей по цвету кожи

Различают до сих пор.

Я мала, но знаю все же,

Что людей и в наши дни

Различать по цвету кожи

Могут нелюди одни.

Я хочу, чтобы в газете
Написали для таких,
Что людей всех делят дети
На хороших и плохих.

Нет различия иного.
И еще хочу сказать:
Сердце доброе от злого
Мы привыкли отличать.

Славься, добрая привычка!
Нет различия для нас,
Кто татарка, кто кумычка,
Кто еврей, а кто абхаз.

Будь японка или полька,
Будь индеец или швед,
Я — лишь девочка, и только,
Для меня различья нет.

От того, кто полон злобы,
Черной лжи ползут микробы,
А для нас не без причины
Ложь опасней скарлатины.

Самым светлым, человечным,
Благородным и сердечным

Я слетать мечтаю тоже.
Но запомнит пусть Луна,
Что и мне всего дороже
Наша славная страна.

Рано утром на заре мой
Льется голос из окна.
Кто я?

Девочка одна,
И зовут меня Заремой!

1963

БЕРЕГИТЕ МАТЕРЕЙ!

Воспеваю то, что вечно ново,
И хотя совсем не гимн пою,
Но в душе родившееся слово
Обретает музыку свою.

И, моей не подчиняясь воле,
Рвется к звездам, ширится окрест...
Музыкою радости и боли
Он гремит — души моей оркестр.

Но когда скажу сейчас впервые,
Это Слово-Чудо, Слово-Свет, —
Встаньте, люди!

Павшие, живые!
Встаньте, дети бурных наших лет!

Встаньте, сосны векового бора!
Встаньте, распрямитесь, стебли трав!
Встаньте, все цветы!.. И встаньте, горы,
Небо на плечах своих подняв!

Встаньте все и выслушайте стоя
Сохраненное во всей красе
Слово это — древнее, святое!
Распрямитесь! Встаньте!.. Встаньте все!

Как леса встают с зарею новой,
Как травинки рвутся к солнцу ввысь,
Встаньте все, заслышав это слово,
Потому что в слове этом — жизнь.

Слово это — зов и заклинанье,
В этом слове — сущего душа.
Это — искра первая сознанья,
Первая улыбка малыша.

Слово это пусть всегда пребудет
И, пробившись сквозь любой затор,
Даже в каменных сердцах пробудит
Заглушенной совести укор.

Слово это сроду не обманет,
В нем сокрыто жизни существо.
В нем — исток всего. Ему конца нет.
Встаньте!..

Я произношу его:

«Мама!»

Часть первая

ЧЕРНЫЕ ШАЛИ НАШИХ МАТЕРЕЙ

«Берегите маму».

Из завещания отца

I Вызвали домой.

Сказали позже

Родичи, смотря печально:

— Друг!

Твой отец лежит на смертном ложе.

Приготовься к худшей из разлук.

Встал я у отцовского порога,

Сдерживая тяжкий стон в груди.

Старшая сестра сказала строго:

— Мама у отца... Ты обожди...

Счет вели часы. И ночь густела.

В дверь гляжу, открытую слегка,—

На руке отцовской пожелтелой —

Сморщенная мамина рука.

Я поверил: всех сильней на свете
Смерть —
Она способна оторвать
Друг от друга тех, кто полстолетья
Об руку прошли,— отца и мать!

А часы минуту за минутой
Медленно роняли в черноту...
Тихо притворил я дверь, как будто
Опустил могильную плиту.

Я расслышал слово расставанья.
— Хандулай,— отец привстал слегка,—
Близится конец повествованья,
Пишется последняя строка.

В голосе отца и боль и жалость.
— Хандулай, не избежать судьбы...

Показалось мне, что поломалось
Средь дороги колесо арбы.

Средь дороги?! Кончились дороги!
Пресекались пути любви, забот...
Что в итоге?.. Подведи итоги,—
Прожитых годов окончен счет.

...Дверь внезапно подалась скрипуче,
Растворилась тихо — это мать

В старом платье черном, точно туча,
Вышла, шепчет что-то... Не понять...

Вижу, лоб ее покрылся потом,
Плачет мама, муки не тая...

— Подойди к отцу. Тебя зовет он...—
Меркнет лампа.

— Папа, это я...

— Ты, сынок?—

Чуть приоткрылись веки,
Взгляд на миг зажегся — и погас.
Эту ночь мне не забыть вовеки.
— Вот и наступил прощальный час.

Смерти угодил я под копыта.
Видно, в стремя встал не с той ноги...
Душу дома — маму береги ты.
Слышишь, сын мой,— маму береги!

И замолк навек. Отца не стало...
Но звучаньем прерванной строки
Все кругом гудело, рокотало,
Повторяло:

— Маму береги!

Хлынул дождь — и все в горах намокло,
Разбежались по воде круги...

Слышу: через крышу, через стекла
Молят капли:

— Маму береги!

Яростно бушует непогода.
В черном небе не видать ни зги...
Грохот грома — голос твой, природа,—
Просит каждый час любого года:
— Душу мира — маму береги!

...Мать одна. Что ей осталось, маме?
Лишь воспоминанья да печаль.
Горлица с подбитыми крылами,
Черную надела мама шаль.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ ГОРЯНОК

2 Мама, и ты в свой час

черную шаль надела.

Шаль, у которой концы
от горьких слез солонны.
Кос молодых черноту
кутала тканью белой,
Черной прикрыть пришлось
белый блеск седины.

Песня черной шали

Я — черная шаль

И черна потому,
Что ныне печаль
У кого-то в дому.

Средь ночи беззвездной,
Средь белого дня
Нет в мире покрова
Печальней меня.

Я — черная туча
Над вешней долиной,
Воронье перо
На груди голубиной.

Гроза, что затмила
Сияющий день,
Загубленной радости
Черная тень.

Я — черная шаль,
Я черна оттого,
Что носит сиротство меня
И вдовство.

В сердцах матерей
Я живу неустанно.

В груди дочерей
Я — как черная рана.

Черна, как печаль,
Моя чернота.
Я — черная шаль,
Я — поминонок фата.

Я горе храню
Под своей чернотой,
Меня надевают
Полночной порой.

Меня не снимают
Средь белого дня.
Нет в мире покровы
Печальней меня.

МОЯ БЕСЕДА С ЧЕРНОЙ ШАЛЬЮ

3 — Скажи мне, всегда ли ты черной была?
Быть может, когда-то была ты бела?

— Как пена морская, была я бела,
Как белая чайка, по сини плыла,

Как чайка, что, пены коснувшись слегка,
Уносит ее белизну в облака.

Такой белопенной, молочной была я,
Когда твоя мама была молодая,
Когда ей поднес луговые цветы
Отец твой. И был он моложе, чем ты.
Но много трудней, чем живете вы все,
Он жил, сирота, муталлим медресе¹.

Пошли на базар продавать вороного,
И вот на плечах у невесты — обнова.
Помазали медом невесте уста:
— Пусть жизнь твоя будет сладка и чиста,
Как нынче сладки твои нежные губки!..

И, как пенно-белые крылья голубки,
Взлетала я в пляске на свадьбе у них!..
Смотрел на невесту влюбленный жених,
Поэт, он забыл о стихах на минуту,
Сидел и молчал, очарованный будто,
На палец мою намотав бахрому...

— Так что ж изменила ты цвет?.. Почему?

— Ах, свадебный пир еще длился в ауле,
А черная весть прилетела как пуля,

¹ М у т а л л и м м е д р е с е — учащийся мусульманской школы.

Дурное — оно, как на крыльях, спешит:
В жестоком бою был наш родич убит.

На землю чужую, в стране незнакомой
Упал он, погиб он далеко от дома,
И буркой прикрыли его земляки,
А мама печальную песню Чанки¹
Запела о том, как, поверженный, пал,
Вдали от отчизны отважный Батал.
И слезы катились по мне то и дело,
И я все мутнела, и я все чернела...

— Скажи, что еще приключилось с тобою?
Была ли когда-нибудь ты голубою?

— Была... Голубей, чем небесный атлас,
Была я в тот самый торжественный час,
В тот день, для отца твоего незабвенный,
Когда твоя мама с покоса не сено —
Дитя привезла, прошептала, смутясь:
«Хоть сына мы ждали, но дочь родилась!»

Отец твой — а это вы знаете с детства! —
Вдруг весь просиял, точно солнце, отец твой,
Взял на руки дочь, и услышал Хунзах:

¹ Ч а н к а (Чанка из Батлаича) — Тажутдин (1867—
1909), поэт, один из зачинателей аварской литературы.

Что в мае коврами фиалок одеты.
Была я кофейного, теплого цвета,
Оранжево-желтой была, как закат,
Была золотистой, как листопад,
И серой, как надпись на старом кинжале,—
Цвета перемены судьбы отражали.

И злобная зависть, вражда, клевета
Злорадно гасили живые цвета,
Чуть искорка счастья затеплится в недрах,
Как тут же потушит недремлющий недруг...

— Но разве все лучшие люди земли
Веселые краски сберечь не смогли?

— «Веселые краски»? Да как уберечь их,
Когда все бело от костей человеческих,
Когда по дорогам шагает война
И кровью земля напилась допьяна?!

В те годы тела устилали равнины,
И души солдат, словно клин журавлиный,
По небу летели, как в песне твоей,—
Той песне, какую сложил ты поздней...
Весь мир пропитался и горем и злобой.
«Веселые краски»! Сберечь их попробуй!

И стала я тусклою, словно зола.
Казалось, надежда навек умерла,

Казалось, цвета я меняла напрасно..
— Скажи, а была ты когда-нибудь красной?

— Была я, как пламя пожара, ярка.
Но спрячешь ли пламя на дне сундука?..
Из мрака поднимется к небу светило.
Все красное мама твоя раздарила
Бойцам-партизанам, героям Хунзаха,
Чтоб красной звездой сверкала папаха,
Чтоб, в бой устремляясь, могли смельчаки
Украсить шинели свои и штыки.

В семнадцатом
Женские красные шали
Знаменами гордыми в небо взмывали.
Потом из остатков пробитых знамен
Тебе — пионеру — был галстук скроен.

Прекрасные ленты багряного цвета
Вились на пандуре¹ Махмуда-поэта².
Когда же навеки замолк наш певец,
Упавший пандур подхватил твой отец,
И ленты взметнулись по-прежнему ало
При звуках «Заря обновленная встала»...

¹ П а н д у р — струнный щипковый музыкальный инструмент.

² Махмуд (Махмуд Магомедов, ок. 1870—1919) — аварский поэт.

До висков — усы стрелой,
До колен — кинжал кривой.

Род пред родом громко хвастал:
— Мы заткнем за пояс вас-то! —
Первый род: — Мы всех сильней! —
Род другой: — А мы — древней!

И случилось же такое,
Что в одну влюбились двое.
Два противника — в одну.
Два врага — в одном плену.

И, как водится в Хунзахе,
Оба, пышный мех папахи
Нахлобучив до бровей,
В бой торопятся скорей!

Видно посчитав от дури:
Если, мол, в овечьей шкуре
У джигита голова, —
Сам джигит сильнее льва.

Тот кричит: — Моя невеста! —
А другой: — Ты здесь не вейся,
Я давно ее жених! —
Прочь сбежать бы от двоих!

Тот платок срывает пестрый,
А соперник саблей острой
Полкосы у милой — хватъ:
Не хочу, мол, уступать!

Бурку мигом разостлали.
Кровь бежит по синей стали.
Сабли блещут, бой кипит...
Пал один. Другой убит.

Все забыли о невесте.
Помнят лишь о кровной мести.
Стоны. Выстрелы. Резня —
На родню идет родня.

И в одном роду все жены
В черной ткани похоронной.
Кто изранен, кто убит.
Плачут девушки навзрыд.

А в другом роду — иное:
Не вздыхая и не ноя,
Порешили жены там
Слез не лить — назло врагам!

— Не наденем черной ткани!
Ни стенаний, ни рыданий
Не услышит враг у нас!
Вместо плача — только пляс!

Только смех, веселье, пенье.
Храбрецом не станет мене,
Сколько их ни режь, ни бей!..—
Жены сели на коней,

Смотрят весело и дерзко,
Туго стянута черкеска,
Под папай — змеи кос.
Здесь не льют и в горе слез.

Здесь ни жалобы, ни стона.
Волей крепкой, непреклонной
Эти женщины сильны,
И отважны их сыны.

— Ну, вспомнил предание старое это?
Постиг, почему не сменила я цвета?..
Сказал твой отец, и послушалась мать,—
Мол, траур не время сейчас надевать.
Отец говорил ей: «Сдержи свою жалость!»
Ушел на войну он. А мама осталась,
На крыше стоит над сплетеньем дорог,
Дрожа на ветру, точно слабый росток.

Но силы находит росток понемногу.
Стал деревцем он. Осеняет дорогу.
Сияет на тоненькой веточке плод.
Светает.

Желанное утро грядет.

‡ Как сок из вишни, брызнул свет зари.

И мир открылся, как глаза у лани.
Вершины гор, насечки, газыри —
Все засверкало радугами граней.

Казалось, мир вдохнул волну тепла
Весны великой, небывало дружной.
И вновь улыбка матери светла,
И горе в сердце подавлять не нужно.

Ручей-скакун бежит во весь опор,
Ломают он ущелья сон глубокий.
Ручьи стремятся по морщинам гор,
Сливаются в могучие потоки...

Конец войне,

спешит домой солдат.

И мама дождалась желанной встречи!
Увидев нас, воскликнул:

— Я богат! —

Всех четырех нас посадив на плечи.—

Вокруг меня вершины наших гор.
И на плечах — на каждом — по два сына!..—
Как кубачинцев золотой узор,
Отец и дети слиты воедино.

Отец, склоняясь над очагом родным,
Взял уголек для самокрутки:

— Дорог

Домашний этот, добрый этот дым!
Пусть никогда здесь не клубится порох! —

В ворота ввел он белого коня:
— Конь белогривый! Вместе со стихами
Стань перед нею, голову склоня...—
И конь послушно поклонился маме.

Наструнившись средь нашего двора,
Стоит скакун и не пошевелится.
И шаль порхает, празднично-пестра,
Над белой гривой, словно чудо-птица...

Белеет конь, закончив трудный бег,
Над белою вершиной вьется знамя,
И, словно шапки, кинутые вверх,
Взлетает к небу белый дым клоками.

И в нашем доме, где звучат стихи,
Кинжал на стенке отдыхает старый.
И гнездышко высоко у стрехи
Вьет ласточек щебечущая пара.

Как встарь, аулы лепятся к горам.
Но жизнь пошла в аулах обновленно,
И новых сыновей качают там
Вершин аварских смуглые мадонны.

И ты меж ними бережной рукой
Меня с подушки теплой поднимаешь.
И, хлопоча, как пчелка, день-деньской,
В одну семью всех близких собираешь...

В засушливый тот год посев зачах,
В горах шумели грозы то и дело.
Но мама разжигала наш очаг,
И вся семья у котелка сидела.

Стучали ложки о пустое дно,
И каждому перепало мало,
Но радость пробивалась все равно,
Как в щель скалы — шиповник грозно-алый.

Мы скудный ужин ели всемером:
Родители, четыре сына, дочка,
И утешались: «Нет, не пропадем,
Весь урожай сберем по колосочку».

Так рассуждал весь честный Дагестан
И вся страна, подхваченная бурей...
Чадит очаг. В горах плывет туман,
Но сквозь туман видны клочки лазури.

...Здесь, мама, ты с черною шалью рассталась,
С той самой, которой в беде укрывалась.
Так что же тебе, моя мама, осталось?

Остался кувшин, чтоб ходить за водою,
Студеной, прохладной водой ключевою,
Тебе, что не знала ни сна, ни покою.

Остался возок у предгорья средь поля.
Осталась суровая женская доля,
Остались еще на ладонях мозоли.

Осталась забота о старой корове,
Еще о дровах для зимы и о крове
И страх за отца и за наше здоровье.

Осталась тревога о детях подросших:
Все рвутся куда-то, но вряд ли поймешь их,
А вдруг даст судьба им друзей нехороших?

Остались лишь женские вздохи украдкой,
Внезапно блеснувшая белая прядка,
Морщинка на коже, вчера еще гладкой!

Остались они, что надеты впервые,
Совиные очи — очки роговые,
И старости близкой шаги роковые!..

Я вижу, как сено ты сушишь на крыше,
Стоишь ты на крыше, как будто на круче,
Тростинкой ты кажешься тем, кто повыше,
А тем, кто поближе, — скалою могучей.

Стоишь наверху ты, стоишь над скирдою,
Пушкой выплывают туманы с верховья!
Над миром стоишь милосердным судьёю
С печалью своей и своею любовью...

НЕ СУМЕЛ Я, МАМА, ТЕБЯ СВЕРЕЧЬ

5 Отлучался ли отец, бывало,
На день ли, на месяц из Цада,—
Мама, о тебе не забывал он,
Шаль в подарок привозил всегда.

Мы росли... Я помню гордость брата,
На глазах у мамы блески слез
В день, когда на первую зарплату
Шаль тебе в подарок он привез.

А когда за столбик первых строчек
Дали мне в газете гонорар,
Мама, я тебе принес платочек...
Как ценила ты мой скромный дар!

Был он для тебя дороже шали,
Ты его хранила в сундуке...
Нет тебя, но краски не слиняли,
Ни пятна на памятном платке!

Нет тебя... Родной моей, бесценной!..
Стебельком стояла средь дорог,
А душа твоя была антенной,
Чутко принимавшей каждый вздох.

И куда бы мы ни уезжали,
Ты внимала нам издалека.
Мама, мама!.. Крылья белой шали...
Мамина зовущая рука...

...Сколько б лет с тех пор ни пробежало,
Все равно мне видится во сне
Рукоятка белая кинжала
Рядом с белой шалью — на стене.

Через жизнь прошли две эти вещи.
Спрятан мамой в сундуке кинжал...
Не кинжал мне был отцом завещан —
Свой пандур отец мне завещал.

Только лишь коснусь я струн пандура,
Возникают мамины шаги.
Смерть отца... Прощальный вечер хмурый.
Слабый голос: — Маму береги!

Над плитой могильной спину горбя,
Я взываю к сердцу сыновей:

— Знайте люди, нет страшнее скорби,
Чем расстаться с матерью своей!

Трудно жить, навеки мать утратив.
Нет счастливей вас, чья мать жива!
Именем моих погибших братьев
Вслушайтесь — молю! — в мои слова!

Как бы ни манил вас бег событий,
Как ни влек бы в свой водоворот,
Пуще глаза маму берегите
От обид, от тягот и забот.

Боль за сыновей — подобно мелу
Выбелит ей косы добела.
Если даже сердце очерствело,
Дайте маме капельку тепла!

Если стали сердцем вы суровы,
Будьте, дети, ласковее с ней.
Берегите мать от злого слова:
Знайте, дети ранят всех больней!

Если ваши матери устали,
Добрый отдых вы им дать должны...
Берегите их от черных шалей!
Берегите женщин от войны!

Мать уйдет, и не изгладить шрама.
Мать умрет, и боли не унять...
Заклинаю: берегите маму!
Дети мира, берегите мать!

Чтобы в душу не проникла плесень,
Чтоб не стала наша жизнь темна,
Чтобы не забыть прекрасных песен,
Тех, что в детстве пела нам она!

Часть вторая

СВЕТЛЫЕ ПЕСНИ НАШИХ МАТЕРЕЙ

«Кто забывает песню матери,
Тот забывает родной язык».

Так говорил мой отец

Отец мой был поэт, чей глаз остер.

Слова летели к цели точно пули.

Весь Дагестан большой чтит до сих пор

Стих, что рожден был в маленьком ауле.

Писал о нашей жизни Цадаса,

Но жизнь в его стихах являлась внове.

Он слышал мысли зябнущего пса,

Писал об овцах, о больной корове...

В его стихах — наш юмор, наша грусть,

Дела аула, гул больших событий...

Стихи отца я помню наизусть,

Прочту средь ночи — только попросите!

Хотя простым аварцем был отец,
Но песня в сердце у него звучала,
Он драгоценный отмыкал ларец,
Где были древней мудрости начала.

И он — знаток всех песен! — от души
Сказал однажды:
— Слушайте Гамзата!..
Три песни в мире — точно хороши.
Все три сложили матери когда-то.

Что в мире слаще, чем пчелиный мед?..
Тот хлеб, чем нас вскормила мать родная.
И песнь, что над ребенком мать поет,
С ним остается, сердце согревая.

Пойми, мой сын!.. Я вырос сиротой.
Лицо родное помню еле-еле.
Но не забыть вовеки песни той,
Которую слышал я в колыбели.

Хрустальный, переливчатый родник
Звучал в ее напеве — просто чудо!
Я все мои стихи отдам за них!..
Да что мои?! Отдам стихи Махмуда!

Собрать бы вместе песни матерей!..
И все решили б, обсудив их строго,

Что теплотой, душевностью своей
Они сравнятся с пушкинскими могут...

Так говорил мне мой отец — поэт.
Ушел отец, свершив земное дело.
И мама... И тебя со мною нет.
Со мной лишь песни, что ты в детстве пела...

Я помню, как родник пошел плясать
С кувшином в лад, когда сбивали масло.
И пробуждалась на горах опять
Улыбка та, что за зиму погасла...

Я помню — сито у тебя в руке
Как будто бубен на пиру звенело.
И вот, с постели спрыгнув налегке,
Вокруг тебя пляшу я неумело.

Одно движенье милых этих губ —
И песня все вокруг переиначит,
И даже наш телок, что мал и глуп,
И тот по дворику, шалея, скачет.

Ах, эти песни!.. Я их не верну!
Они в далеком детстве запропали.
Все ж записать попробую одну,
Хоть голос мамин передам едва ли...

*Мамина колыбельная,
как она мне запомнилась*

Спи, туренок, спи, сынок!
Там, за далью снежных гор,
Жизнь сплела в один клубок
Честь, и славу, и позор.

Но тебя я родила
Для добра, а не для зла.
И не зря тебе дала
Два орлиные крыла.

Спи!.. В горах уже темно.
Там, где тучи видят сны,
Там давным-давно в одно
Правда с ложью сплетены.

Но тебя я родила
На высокие дела
И не зря тебе дала
Сердце гордое орла.

Спи спокойно, мой родной!
Там, за далью синих вод,
Мир тягается с войной.
Кто осилит?.. Чья возьмет?..

Жизнь тебе я, сын, дала
Лишь для мира, не для зла!
Не отдам тебя войне!..
Спи, мой мальчик, в тишине!

* * *

...— Да будет мир над цепью гор!
Да не коснется зло родного края! —
Ты заклинала и ткала ковер,
За нитью нить в раздумье выбирая.

В узор вплетались горы и снега,
Крик журавлей и облачные перья,
Цветущие альпийские луга,
Старинные преданья и поверья.

И расцветал ковер — к цветку цветок,—
Как Дагестан родной в разгаре лета.
За нитью — нить...

Так из прекрасных строк
Рождается творение поэта.

Сынок мой!

В бешмете своем золотом
Красуется осень на склоне крутом.
О цвет золотистый!

Окраска мечты!
Любимый мой цвет...

Полюби его ты,
Чтоб солнце твой дом пронизало насквозь,
А черную, мрачную нитку отбрось!

Сыночек!

Снежок заблестел на стогах,
В горах поприбавилось белых папах.
Сверкая,

белея, приходит зима.
О белый!

О цвет седины и ума!
Да будешь ты мудрым,
Коль станешь седым.

А черное?..

Черное мы отдадим
На бурки —
пусть будут плотны и черны!
На женские косы,
где нет седины!

Лишь буркам и косам

нужна чернота...

Грозит бедой обветренный, кривой,
А снежно-белый обещает счастье.

Он выпадет — и вот я весела,
Во всех работах ждет меня удача.
А черная ракушка — вестник зла.
Я, глядя на нее, порою плачу.

Гадаю, милый, о твоей судьбе,
Пойдет ли путь твой и светло и прямо...
Учили бабки этой ворожке.
И ты запомни, как гадала мама.

*Вот какую песню пела мама,
гадая на камушках*

Сядь ко мне, сыночек, на колени.
Нынче я — твоя ворожея.
Это — горы, это — лес осенний.
А тропинка эта — жизнь твоя.

Пред тобой широкая дорога,
Так шагай ты этим большаком...
Погадаем, счастье иль тревогу
Принесет сыночек маме в дом.

Не дари мне лалов и жемчужин.
Не хочу я дорогих даров.

Маме лишь один подарок нужен:
Чтобы сын был счастлив и здоров.

Сядь ко мне, сыночек, на колени,
Нынче я — твоя ворожея.
Это — солнца свет, а это — тени...
Будет ли судьба светла твоя?

Осенью становятся плодами
На деревьях нежные цветы.
Как плоды, и ты растешь... С годами
Чем родимый край одаришь ты?

Маме нужен лишь один подарок,
Лишь одно от сына мама ждет:
Чтобы счастлив был ты,
Был бы ярок
Каждый год твой, слышишь, каждый год!

Сядь, мой милый, к маме на колени,
Камушки нам говорят не зря.
Это — частый лес, в лесу — олени,
Беркут в небе кружится, паря.

Молит мама, чтоб под облаками
Сын парил, чтоб был высок полет.
Песнь какую, вы скажите, камни,
Милый сын для Родины сплет?

У судьбы прошу я неустанно
Сладостного дара одного:
Чтобы полюбилась Дагестану
Эта песня сына моего!

* * *

Так пела мама, на камнях гадая,
И множество таких же матерей
Молили, чтоб в родимом нашем крае
Жилось их детям легче и светлей.

Чтоб молния не поджигала крова,
Чтоб множились стада и табуны,
Чтоб дети были сыты и здоровы.
И главное, чтоб не было войны!

...А там, вдали, на западной границе
Готовятся войска не на парад.
Там блещут каски, сапоги скрипят...
А может быть, тебе все это снится?..

2 Растут сыны. Их у тебя четыре,
Ты охраняешь мирный наш очаг,

Не зная, что в чужом, далеком мире
Взят на прицел давно наш каждый шаг.

О мама!.. Камушки спроси скорей ты,
Как дом родной, как сыновей сберечь!
Там, в Мюнхене, взбесившийся ефрейтор,
Скрипя зубами, изрыгает речь...

Я — первоклассник... Клятвой пионерской
Народу в верности поклялся я.
А там — в Берлине — вой и гогот мерзкий,
Там брызжет ядом свастика-змея.

Пишу стихи... И больно и отрадно.
Огонь поэзии открылся мне...
А там костры уже пылают чадно
И книги Гейне корчатся в огне.

Я полюбил впервые... Я вознесся
В мечтах своих превыше наших гор.
А там, в железном «плане Барбаросса»,
Любви и жизни пишут приговор...

О мама, мама! Ты сынов растила,
Мечтала ты о радости в дому,
Не думая, что ранняя могила
Готовится уже не одному...

Сын Магомед. Он педагог. Он учит
В Буйнакском педучилище ребят...
Какую враг ему готовит участь,
Того не знает он — мой старший брат.

А враг шипит: «Нам не преграда — горы!
Дадут приказ — мы их взорвем, сотрем!
«Родной язык»!.. Мы с вами, горцы скоро
Поговорим на языке своем!..»

Сын Ахильчи... Он будущий географ.
Над картою склонился Ахильчи.
Не слышит брат мой шорохов недобрых,
Угроз, уже таящихся в ночи.

Не думает, что где-то спозаранок
Терзают карту, мир перекроив,
Кружком кровавым обведен Майданек,
Освенцим назревает, как нарыв...

Пока еще все тихо в нашем крае,
И горе словно далеко от нас.
Здесь пашут, строят, землю украшая,
Растят сады...

Но фюрер дал приказ...

Но фюрер дал приказ.

И на рассвете

С небес обрушился ревуший град.

Дома взлетают...

Матери кричат.

И погибают маленькие дети.

И завертелся мир и полетел

Вниз, под откос поломанной арбою...

В полях растут стога кровавых тел...

Скупее, реже письма с поля боя.

И если почтальон стучится в дверь,

Мать открывает двери, чуть помешкав:

Не верит мама камушкам теперь —

Их обещанья были злой насмешкой.

Ты различаешь белый свет едва,

В усталом сердце отдаются взрывы,

Но поднята высоко голова,

И это знак, что сердце мамы живо

И защищать готово сыновей...

И ты поешь...

Вот песня этих дней

Вы, оставившие дом,

Вы — птенцы, вы — сыновья,

Через грохот, через гром

Песня к вам летит моя.

Если в поле вспыхнет свет,
Обернитесь на закат;
Это мама шлет привет,
К вам мечты мои спешат.

Вам легко, и мне легко,
С вами я — сто раз на дню.
И сыночка своего
Я от пули заслоню.

...Но, раненные, падают птенцы,
Но падают в сражениях бойцы.
Приходит похоронка в чей-то дом...
И наша мама так поет о том:

«Что двое дерутся, я часто видала.
Казалось, что тесно соседям меж скал,
Но что же все люди взялись за кинжал?
Неужто Земли человечеству мало?!»

Кончались все драки по первому знаку:
Я брошу платок — пресекается драка.
Неужто покончить с войной не могли,
Сорвав свои шали, все мамы Земли?!»

Вздыхает мама, причитает, просит,
Но дымом горизонт заволочло.

Беда все ближе... Холодает. Осень.
И помню я, как горе к нам пришло,

Как нас оно настигло, наше горе.
О мама! До тебя дошел черед:
Под Севастополем упал он в море —
Пылающий, как факел, самолет.

Что думал экипаж в тот миг, не знаю!
Заскрежетали волны, как мечи,
И птица рукотворная, стальная
Пошла на дно...

А с нею — Ахильчи.

Об этом, плача, рассказали маме.
Но мама не поверила словам:
— Не умер он!.. Над мертвым ставят камень!
Наш Ахильчи еще вернется к нам!

Меня, себя не мучайте напрасно!
Я верю: рассекая толщу вод,
Он выплывет... Ведь он пловец прекрасный!
Наш Ахильчи не умер... Он придет!..

Но горе в двери постучало снова —
Беда одна не ходит, говорят.
Пришло известие из Балашова:
Там, раненный, лежит мой старший брат.

И мы с отцом в дорогу поспешили.
Но поездов быстрее бежит беда.
И мы прочли на братниной могиле:
«Здесь — Магомед Гамзатов из Цада»...

Мы возвратились... Мама онемела.
Качнулась. Губы стиснула в тоске.
И крупная слезинка искрой белой
Блеснула на морщинистой щеке.

Но мама тотчас поднялась проворно.
Сказал ей кто-то: — Черное надень!..
— Нет, нет!.. Я не надену шали черной,
Работать буду в скорбный этот день!..

И, стиснув губы, подавив страданья,
Весь день трудилась ты до темноты...
Так о горянках гордое преданье
Своим примером подтвердила ты.

А много позже, разведя очаг,
Запела тихо. Гневен был напев:
«Слез моих ты жаждал, враг!
Но тебя спалит мой гнев!
С неба шлешь огонь, злодей,
Смерть полям и селам шлешь.
Но от мести сыновей,
Душегуб, ты не уйдешь!»

Часть третья

КОЛОКОЛА ЗВОНЯТ О МАТЕРЯХ

«Сердце мое словно гора тревоги.
Бейте в колокола».

Так говорила мама

1 Мама! На душе — тяжелый гнет.

Жжет меня раскаянье и давит.

С каждым часом боль моя растет —

Никогда, наверно, не оставит.

Мама!.. В ночь мучительную ту

Я, твой сын, с тобою не был рядом.

Тщетно ты меня искала взглядом,

Уходя во тьму и немоту.

Облегчить твоих не смог я мук,

Долг последний свой не отдал маме

И не смыл горячими слезами

Холода с твоих усталых рук.

И не я в февральскую метель
Провожал тебя в твой путь прощальный:
Был тогда я на чужбине дальней,
От тебя за тридевять земель.

2 Вот так все это и случилось, мама.
Нет, оправдаться я и не берусь!..
...Февраль. Я — в Хиросиме. Фудзияма
Сверканьем льда похожа на Эльбрус.

Я — в городе, где на печальном сборе
Всё горе мира нынче собралось.
Я — в Хиросиме, в эпицентре горя.
Тут смертью все пропитано насквозь.

Как все, и я знавал страданья тоже:
Оплакал братьев, хоронил отца.
Но боль ослабнет раньше или позже.
Лишь боли Хиросимы нет конца.

Тут воздух — самый скорбный на планете,
Тут потускнел от пепла солнца диск...
О девочка! О скорбный обелиск,
Тебя журавлик не спасет от смерти!..

Сюда, на мировое пепелище,
И мы цветы с Кавказа привезли,

В холме, который вырос на кладбище,
И дагестанской горстка есть земли.

Война людей косила без пощады,
На здешнем пепле тысячи камней,
Но обожженный камень Сталинграда
К нему приник всех ближе, всех тесней.

...Толпа безмолвна. А над ней, взлетая,
Так неуместно праздничны, пестры,
Лиловой, белой, красно-синей стай
Качаются воздушные шары.

— Что это значит? — я спросил несмело.
— Эмблемы смерти, — раздалось в ответ. —
Шары цветные — жертвы прошлых лет.
А знак недавней смерти — шарик белый...

В любой душе — своих страданий повесть.
Все ж заживляет раны человек,
Но если ранена у мира совесть —
Она уже не заживет вовек!

О Хиросима!.. Памятник зловеций!..
Сто тысяч жизней разом кончил взрыв,
И люди стали теньями...

Но вещи
Живут, в обломках ужас закрепив.

Останки обгорелого рояля
Как будто шепчут: «Песня умерла».
Часы в тот миг остановились, встали:
Прервалось время под ударом Зла.

...Средь поля — колокол огромный.

Он

Оповещает речью колокольной
О каждой смерти.

Грозный, мерный звон
Сложился в песню у меня невольно.

Песня о колоколе

Из меди густой

И свинца он отлит.
Покрыт серебром
И над миром гудит.

Гудит его медь,
Звенит его медь,
Когда возвещает
Он чью-нибудь смерть.

Но голос печали
С величьем Добра
Связует сияющий
Блеск серебра.

Он мрак разрывает,
Как взрыв, на куски,
Велит нам, оставшимся,
Жить по-людски.

Тот колокол правде
Сулит торжество.
И все колокольчики —
Дети его...

Один из них — вестник
Находок и бед,
Товарищ, ровесник —
Повел меня вслед.

Я помню веселый,
Заливистый звон,
В аульскую школу
Позвал меня он.

И новые страны,
И край мой родной,
Моря, океаны
Явил предо мной.

Зовет он куда-то,
Как встарь, и теперь —
Успехов глашатай,
Свидетель потерь.

И с ним, как бывало
Сливаясь душой,
Я — колокол малый —
Бью нынче в большой,

В тот самый, что здесь,
В Хиросиме, стоит —
Из горя людского
И гнева отлит...

Разносится далёко мерный звон,
У всех живущих память пробуждая.
И я в тот страшный день перенесен,
Когда явилась миру воля злая...

Я вижу, вижу, как по небу мчится
Неотвратимая «Энола Гей»...
Какой безумец смертоносной птице
Дал имя матери своей?!

Летит она, проклятая «Энола»...
Часов еще не оборвался ход.
Щебечут дети, собираясь в школу.
Никто еще не знает, что их ждет...

Когда б вмешаться в это нам бы, мне бы!..
Но нет!

И стонет колокола медь,
И тщетно журавля пускает в небо
Японочка, пред тем как умереть!..

Гремит о стенки колокола молот,
Как будто медь пытаюсь расколоть...
И душу сковывает жуткий холод.
Я вижу: тени обретают плоть.

Они летят толпой неисчислимой,
Как туча в бурю, этот сонм летит.
И здесь не только жертвы Хиросимы —
Все, все, кто был казнен, кто был убит...

Я вижу, как шатаются надгробья
В полях Европы, в Азии моей.
Встают все те, кто был расстрелян в злобе,
Кто был затравлен псами палачей,

Кто в пепел превращен был иноземцем,
Бездумно выполняющим приказ.
Сквозь проволоку на меня Освенцим
Глядит всей мукою голодных глаз.

И ветер воет, над землей колыша
Повешенных. Он снегом их замел...
О Белоруссия... Я снова слышу
Колокола твоих сожженных сел!

И грохот Бухенвальдского набата
Прибоем поднимается вдали.
Я вижу: два моих убитых брата
Встают со дна морского, из земли...

И вот они, взмахнув крылами, в сини
Плывут, белеют с тучей наравне...
Вот здесь, в многострадальной Хиросиме,
Сложилась, мама, эта песнь во мне:

«Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей».

Я эту песню написал, родная,
Еще не зная горя сироты,
Я написал ее, еще не зная,
Что в стае журавлей летишь и ты;

Что к боли Хиросимы приобщиться
Пришлось мне безраздельно в этот миг,
Что всем смятеньем тайных чувств своих
Я, Хиросима, стал твоей частицей!..

А надо мной, кружась на нитке тонкой,
Уже качался легкий белый шар:
Тогда же утром старая японка
Вручила мне печальный этот дар.

Заплакала... «Не обо мне ли плачет?» —
Подумал я, в волненье чуть дыша.
«Скажите мне, что ваш подарок значит?» —
«Ты знаешь сам», — ответила душа.

...Я сжал в руке квадратик телеграммы.
И задрожал, и прочитал едва,
И до сознания не дошли слова...
Но сердце поняло:

«Нет больше мамы».

3 В городе, что так от нас далек,
Я успел купить подарок маме:
Пестроцветный шелковый платок,
Вышитый искусными руками.

Посредине — спелых вишен гроздь,
Алая и вместе — золотая.
По углам, разбросанная врозь,
Журавлей стремительная стая.

Вишни мне сказали в скорбный час:
— Для кого нам рдеть свежо и ярко? —
Журавли курлычут: — Здесь, у нас,
Ей не нужно твоего подарка.

Ты вернешься... Но тебя встречать
Мама не поднимется на крышу.
«Здравствуй, сын!» — не скажет больше мать,
Мамин голос снегопада тише.

Ты любил ее от всей души.
Не всегда спешил домой, быть может...

А теперь — спеши иль не спеши —
Уж ничто ее не потревожит.

Вырежь хоть сто тысяч журавлей —
Не увидать ей родного крова.
Ты помочь ничем не в силах ей,
Вечный странник, путник непутевый!

Дагестан твой от тебя далек.

Дóма

там все жители аула

Нынче отдают последний долг

Той, что ночью смертным сном уснула.

Настежь окна. Кажется, погас

В мире свет. И не прерваться ночи.

Ждут тебя уже который час

Старики, присевши у обочин.

Мама в доме тоже ждет тебя

В горестном своем наряде белом.

Слышишь? Плачет вся родня, скорбя,

Причитает над недвижимым телом.

Кладбище... Но бросили копать

Люди на минуту...

Ждут кого-то?..

Нет, пуста дорога! Снег да гладь...

Вновь они берутся за работу.

Заступы железные сильней
Застучали в тишине погоста.
Вышел самый старый из друзей
И сказал торжественно и просто:

— Спи, горянка!..

Ты всегда была,
Как родник — прозрачна и светла.
Ты в трудах детей своих взрастила,
Отдала последние им силы,
Всю любовь, все сердце отдала
И свершила материнский долг —
Самый высший в мире...—

Старец смолк.

4 Чем облегчить мне тоску свою?!

Молот схватил я. В колокол бью.

Что ни удар — моя скорбь лютей...
Здесь, в Хиросиме — царстве смертей,—

Смертью одной удивить нельзя.
И далеко от меня друзья!

Здесь не поймут моего языка,
Боль моя кажется здесь мелка.

Тяжко гудит и рокочет медь.
Горько и страшно осиротеть,

Пусть даже прожил ты много лет,
Пусть многоопытен ты и сед!

Мамы не стало. Мама ушла...
И, надрываясь, колокола

Плачут об этом, гудят, гремят...
Эту тягчайшую из утрат

Трудно снести на своей стороне,
А на чужбине тяжко вдвойне.

5 **Злая боль берет меня в тиски,**
Ни на миг мне не дает отсрочки.
Трудно!..

Совладать ли одиночке
С этим тяжким приступом тоски?!

Средь чужих, от родины далече
Я молчу, от горести чуть жив...
Кто же руки положил на плечи,
Душу мне участием облегчив?..

С ласковым упреком шепчет кто-то:
— Разве ты — один?.. Кругом взгляни!

Хиросимы горькие сироты
Говорят:

— Нам боль твоя сродни!

Вот к тебе подходит огорченный,
Что-то торопясь тебе сказать,
Незнакомец... Он — из Барселоны.
На глазах его убили мать.

Темные к тебе склоняя лица —
Но участие озаряет их! —
Ласково глядят индонезийцы:
— Мы лишились матерей своих!

— Я — афганистанец. В вашем крае
Побывать пока что я не мог.
Но сегодня глаз не осушаю:
Мама — наших радостей исток!

— Дагестана я не знаю тоже.
Я — из Конго. Я лицом черна.
Но каков бы ни был цвет у кожи,
Мать как жизнь. Она для всех одна.

— Я — ирландец. Зелено все лето,
Как в стране у вас, у нас вокруг,
Но сегодня в черное одета
И моя Ирландия, мой друг!..

Человек из Штатов, с кем ты, споря,
Лишь вчера расстался, рассердясь,
Подошел сегодня:

— Ваше горе
Близко сердцу каждого из нас!

Пусть далёко друг от друга страны,
Но сегодня вас поймет любой.—
Рядом встал поэт из Пакистана:
— Не печалься, брат мой. Я — с тобой!

Разные по языку и вере,
Все мы — чьи-то дочери, сыны...
Всем понятна боль такой потери.
Отовсюду голоса слышны.

Сколько их — французы, итальянцы...
Все, однако, отступить должны:
Приближаются ко мне посланцы
Из России, из моей страны.

Женщины подходят пожилые,
Маму не выдавшие мою,
И сегодня в их чертах впервые
Мамины черты я узнаю.

Точно всеми ты была любима,
Каждый горем искренне убит...
И сдается мне: вся Хиросима
О горянке-матери скорбит!

Ты, живя, мне придавала силы,
Мама!.. А теперь, уйдя навек,

Ты с людьми меня соединила
Узами, прочнейшими из всех.

В горе, в состраданье все мы — братья,
Нынче между нами нет чужих...
Братья!

Что вам всем могу сказать я?!
Берегите матерей живых!

Если же судьба вас разлучила
И ушла родная, не простясь,—
Поспешите к маме на могилу,
Поспешите так, как я сейчас!..

* * *

Прощай, Хиросима! Склоняюсь в почтенье
У всепретерпевших развалин твоих!
Твоих мертвецов не стираются тени,
Как боль не уходит из глаз у живых!

Прощай, о японочка! Ты с пьедестала
Вослед за журавликом рвешься в полет.

Здесь, в городе скорби, понятно мне стало:
Есть общий, единый язык у сирот.

И нынче — я чувствую это заране —
Страдания голос пойму я везде:
Детеныш ли вскрикнет подстреленной лани,
Птенцы ли без мамы заплачут в гнезде.

Ты это познание мне в душу вдохнула,
Моя Хиросима!..

Вхожу в самолет.

С ущельем, ведущим к родному аулу,
Сегодня до странности схож этот вход.

И вот заблестела внизу Фудзияма,
Синея, клокочет Индийский внизу.
И мне почему-то все кажется, мама,
Что прах твой я здесь, в самолете, везу...

Как будто бы шерсти свалявшейся клочья,
За круглым оконцем плывут облака,
В прорывах меж ними — я вижу воочью —
Простерлась ко мне океана рука.

О чем, океан, ты шумишь и рокочешь?..
Печалью ты нынче, как я, обуян...
Наверно, ты боль остудить мою хочешь?..
Спасибо, спасибо тебе, океан!

Громады лесов мне видны сквозь просветы,
Манит меня издали сумрак лесной...
Должно быть, деревья — мне верится в это! —
Стенают и плачут о маме со мной.

Летим... Показались внизу Филиппины
И тотчас исчезли за тенью крыла.
И знойная Индия нежно, как сына,
Немедля в объятия меня приняла...

Что значат теперь для людей расстоянья?!
Лишь лайнер английский сменили на «Ту»,
Как тут же Москва замерцала огнями,
Снижает воздушный корабль высоту...

Москва!.. О, с каким ликованием, бывало,
Я к ней приближался — к Москве дорогой!
А нынче?.. В отъезде я пробыл так мало,
Но все по-другому. И сам я — другой.

Друзья меня встретили. Рад и не рад я.
Как будто я сам от себя в стороне.
Иль солнце померкло, друзья мои, братья,
Что так беспринято, так холодно мне?!

...И вновь я — в полете. Нагорья, отроги
Внизу показались. И я не пойму,
Что в них изменилось за краткие сроки,
Уменьшились в росте они почему?

Сдавило их что-то... Нет, это не снится!
Неделю назад были так высоки!
Мне душно!.. О, как одолеть мне границу
Мучительной этой, гнетущей тоски?!

Лепечут чуть слышно каспийские волны:
— Ушла, не дождавшись сынка своего... —
Родные встречают печально, безмолвно...
Меж ними кого-то ищу я... Кого?..

Я — дома. Но выглядит все по-иному —
И здесь, и в родной моей Махачкале...
— Родные, ведите к могиле, не к дому!
К последнему месту ее на земле!

6 Так я окончил свой далекий путь.
А мама... больше не вернуться маме!
Со стайей журавлей когда-нибудь —
Я верю — пролетит она над нами.

Мать отдала земле и плоть и кровь.
Все приняла у ней земля родная,
Но мамина нетленная любовь
Горит в высоком небе, не сгорая...

И в день февральский, на закате дня,
Где б ни был я, в родной аул приеду,
Приду домой и сяду у огня,
Чтоб тихую с тобой вести беседу.

Все мелкое отбрасывая прочь,
Душа моя очистится от сора.
И будут слушать нас дожди и ночь,
Деревья влажные и наши горы.

И побледнеет ложь и суета,
Как будто в мире прекратились войны,
И жизнь мудра, прекрасна и чиста,
И нас, людей, поистине достойна.

Да, в этот день — единственный в году! —
Я в чудеса любые верить вправе.
Когда с тобой беседу я веду,
Грядущий мир я осязаю въяве.

Он радостен и светел, как дитя,
Мир, измененный стотысячелетьем,
И в нем,
Нетленной красотой светя,
Вернутся матери обратно к детям.

Отринув тяжесть каменной плиты,
Из-под земли они предстанут снова,
Как снова появляются цветы
Весной из-под покрова снегового.

Как речки воскресают, сбросив лед,
Как корабли к земле стремятся милой...
Походкой легкой к сыну мать придет,
Забыв о мрачном холоде могилы.

Придет, к плечу притронется, любя,
Как будто снимет сразу всю усталость...

«Ты слышишь, сын?.. Я здесь. Я — у тебя
И никогда с тобой не расставалась».

И речь ее горячею волной
Прихлынет к сердцу, радуя, колдуя...
Я слышу, мама, как рукой родной
Ты гладишь голову мою седую.

И я тебе чуть слышно говорю:
— Теперь, когда ты не живешь на свете,
Кому, скажи, отдам любовь свою?..—
И слышу голос:

«У тебя есть дети».

— В родных ущельях и в чужой стране
Гордился я твоей душевной силой.
А кем, скажи, теперь гордиться мне?..—
«Гордись детьми. Детями гордись, мой
милый!»

— Ты мне всю жизнь, всю душу отдала.
А я что дам тебе?.. Ведь ты — не с нами! —
И мамин голос отвечает:

«Память.

И песни все. И добрые дела».

Да, песни я все о тебе пою,
Слова сплетая... Как их лучше сплести мне,
Чтоб на могилу тихую твою
Они легли венком печальной песни?!

ПЕСНИ О МАТЕРИ

Песня первая

Журавли, вы все в чужом краю,
Вы когда сюда вернетесь снова?
Я же маму потерял мою,
Не вернуть мне маму из былого!

Не спешат покинуть гуси юг,
И весна с приходом припозднилась,
Только мама в путь пустилась вдруг,
Лишь она одна поторопилась.

Ты, трава, что в теплый летний день
Для коров она в горах косила,
С дальних склонов опустишь, одень
Мягкой зеленью ее могилу.

Солнце, чей восход в любую рань
Ясные глаза ее встречали,
В головах ее могилы встань,
Раздели со мной мои печали!

Дочка в нашем доме родилась,
Радуемся нашей младшей самой...
Что же внучки ты не дождалась?
Что же ты поторопилась, мама?..

Песня вторая

Знаешь, мама, мне всегда казалось,
Что, пока в дороге сыновья,
Побеждая годы и усталость,
Не погаснет свечечка моя.

Твой огонь, всесильный из всесильных,
Озареньем был в моем пути...
Но угасла ты. Потух светильник.
Свет погас. Дороги не найти.

Почему-то мне казалось, мама,
Что, покуда в море корабли,
Будет сыновьям светить упрямо
Твой маяк в другом конце земли.

Годы жизни яростно-кипучи,
Но дорогу обступает мрак...
Где ж он, где?.. В какой он скрылся туче?
Где он, мой недремлющий маяк?!

Мне еще всегда казалось, мама,
Что, законам смерти вопреки,

Будет выситься все так же прямо
Дерево, чьи корни глубоки.

Дерево мое грозой сломало
И с корнями бросило на склон,
Я кружусь, подобно птице малой,
Чей приют грозой испепелен.

Мне казалось... Нет, я был уверен:
Смерть нарушит все-таки черед,
Не казнит меня такой потерей
И тебя сторонкой обойдет.

Если б знал я, если б мне сказали,
Если б хоть предупредили сны,—
Мой корабль стоял бы на причале,
Я не уезжал бы до весны.

Гордый тем, что ты меня взрастила,
Был я точно кипарис в горах,
Нынче же к холму твоей могилы
Горы клонят головы во прах.

Песня третья

Знаю: вянет и цветок,
Но цветет весь луг вокруг.
Где ж ты, сил моих исток,
Где ты, мой весенний луг?!

Знаю: сохнет в летний зной
Под скалой струя ручья.
Но скала стоит стеной...
Где же ты, скала моя?!

Знаю: рушится во тьму
Одинокая волна.
Но скажите, почему
Море высохло до дна?

Знаю: прячет солнце лик,
Но извечен ход светил...
Кто же солнце дней моих
Беспощадно погасил?!

Песня четвертая

Старшая сестра моя,
Все чаще
Провожу с тобою вечера.
У постели мамы уходящей
Ты сидела, старшая сестра.

Я далёко был...

А ты с любовью,
Не смыкая утомленных глаз,
Наклонялась к маме, к изголовью,
Материнский слушала наказ...

— Ты скажи, сестра, скажи мне прямо:
Завершая трудный путь земной,
Верно, горько жаловалась мама,
Что не едет долго сын домой?..

— От нее я не слыхала жалоб,
Не срывался с губ ее упрек...
Раз она вздохнула: «Прибежала б
К нам весна скорее на порог!»

Говорила: «Долго ль до рассвета?
Что сегодня — солнце иль туман?
Неужели журавли на лето
Прилететь забыли в Дагестан?!»

— Ты скажи, сестра, ты вспомни точно,
Что еще тревожило ее?

— Все молчала... Только спросит: «Дочка!
Как в ауле там житье-бытье?»

Может быть, родился в эту зиму
Мальчик или девочка в Цада?»
И еще: «Далеко ль Хиросима?
Верно, там большие холода...»

— Старшая сестра, какое слово
В час последний свой сказала мать?

— Что сказала?.. Ничего такого.

Люльку попросила показать.

«Старой люльке пустовать не нужно,
Без детей, мол, в доме нет тепла...»
Прошептала нам: «Живите дружно.
Помните меня».

И умерла.

Песня пятая

Говорят, что древний элин,
Погружая в небо взгляд,
В глубях облачных расселин
Видел бога, говорят.

Дома ль я иль на чужбине,
Но везде в часы тревог
Маму вижу в звездной сини —
Вот единственный мой бог.

Говорят, индеец старый,
Наблюдая ход светил,
Отвращал судьбы удары,
Верный путь свой находил.

Дома ль я, в чужом ли крае,
Но, когда от звезд светло,
В мыслях к маме я зываю:
«Где добро мое, где зло?..»

Песня шестая

Как ты просила, мама,— камень скромный
Могильный холмик осеняет твой.
Но для меня — и неба свод огромный,
И вся земля — твой памятник живой.

— Скажи мне, дом, скажите, стены, рамы:
Кто охранял святой уют жилья?..—
И дом в ответ прошепчет имя мамы:
— Всё — мама, всё — родимая твоя.

— Скажи, очаг, кто зимнею порою
Не уставал огонь в тебе вздывать?
Скажи мне, ключ, кто свежую струю
Кувшины наполнил?..—

Отвечают: — Мать.

И голосами вторят золотыми
Все вытканые на ковре цветы.
И повторяют дорогое имя
Те песни, что когда-то пела ты.

Когда б не ты, то был бы сад заброшен,
Посевы заглушили сорняки...
Гляжу в себя: ведь всем во мне хорошим
Обязан я теплу твоей руки.

Кто подарил мне сказки Дагестана?
Кто небо дал, где влажных звезд не счесть?.. 181

Теперь звезда, мерцая из тумана,
Не о тебе ль мне посылает весть?!

...Как ты просила,— камень самый скромный
Могильный холмик осеняет твой,
Но для меня — и неба свод огромный,
И все вокруг — твой памятник живой.

Песня седьмая

Меня ты вспоила, вскормила, мама,
Вдохнула и волю и силы, мама.
И твердость руки ты дала мне, мама,
И гордость строки ты дала мне, мама.

За что же теперь, свой уход ускоря,
Ты горе дала мне, одно лишь горе?!

Дары твои были бесценны, мама,
Меня ты рукой незабвенной, мама,
Весной одарила нетленной, мама,
Всем солнечным блеском Вселенной, мама!..

За что ж, уходя, ты вручила сыну
Жестокий подарок — тоску-кручину?!

Беды я не ведал с тобою, мама,
Сбегались удачи гурьбою, мама,

От счастья не знал я отбоя, мама,
Была моей светлой судьбою мама!...

Так что же теперь ты ушла до срока?!
И в мире так сиро... Так одиноко.

Песня восьмая

Друг на друга матери похожи,
Как моря между хребтов крутых.
И друг с другом схожи горы тоже —
Нагляделся с неба я на них.

Но гроза разит вершины эти,
И чем выше кручи, тем верней,
А из всех высоких гор на свете
Нет вершин превыше матерей.

Для меня и в радости и в горе
Ты была как мощная скала.
Звезды ночи, утренние зори —
Все ты в сердце, мама, вобрала.

И теперь везде, куда ни гляну,
Образ твой встает передо мной,
Он вместимей моря-океана,
Многоцветней всей красы земной.

...Как же ты, кому и свод небесный
И земля подчас была мала,
В дом дощатый, низенький и тесный,
Как же, мама, ты в него ушла?!

Песня девятая

Любовь твою не исчерпать до дна,
Измерить боль привычной меры мало.
Та сила, что тобою рождена,
Мир создавала и оберегала.

Не издан сердца твоего устав,
Но здесь и там твои единовверцы
Боролись, на знаменах начертав
Слова, что им подсказывало сердце.

Когда б он был всевластен — твой указ,
Светлее стал бы мир наполовину.
Грехов довольно на земле у нас,
Но ни в одном ты, мама, не повинна.

Твоя бы воля — не было бы зла,
Растаяли бы ненависти глыбы.
И мы, когда б нас песнь твоя вела,
Быть может, раньше к звездам взмыть

могли бы... 184

Ты — мать отважных горских сыновей —
Лишь только нам известна во Вселенной,
Лишь я, к могилке наклонясь твоей,
Прошу тебя о помощи смиренно.

Песня десятая

Только я?.. Нет, мама, я не прав!

Где б я ни был — далеко ли, близко, —
Видел я, как люди, шляпы сняв,
Замедляют шаг у обелиска.

Где покой обрел героев прах,
На земле, где воевали дети,
В городах, и селах, и в горах
Я встречал их — памятники эти.

В Чехии, над Вислою-рекой,
На крутом Мамаевом кургане
Ограждают мир своей рукой
Матерей печальных изваянья.

Вглядываюсь в строгие черты
Женщин, каменеющих на страже...
— Мама, ты?.. Конечно, это ты!
Ты почти не изменилась даже!

Как же ты в чужие города
Добралась, войдя хозяйкой смелой?

Ты ж не покидала никогда
Наши дагестанские пределы!

Ты на всех дорогах в полный рост,
И тебе шепчу я, узнавая
Образ твой, что величав и прост:
— Здравствуй, милая, навек живая!

Песня одиннадцатая

Знаешь, мама, в странах разных,
Где случалось мне бывать,
Есть один хороший праздник —
День, когда в почете мать.

Астронавт из дали звездной,
Водолаз из глуби вод
В этот день, пусть даже поздно,
В гости к матери придет.

И, забыв о прежних спорах,
Для нее найдут слова
Те счастливицы, у которых
Мама старая жива...

Вот и стало мне обидно:
Просчитал я четки лет,
Дней таких у нас не видно,
Праздника такого нет.

Мы, душевно уважая
То, чем наша жизнь крепка,
Знаем Праздник урожая,
День врача, День горняка...

Как же мы, гордясь трудами
Городов и деревень,
Вечной труженице — маме
Посвятить забыли день?!

«День?! —

себя прервал я гневно.—

Только день из многих дней?!
Разве мы не ежедневно
Всей душой стремимся к ней?!

Не всегда нам светит разве
Нежности ее звезда?..
Так ли нужен этот праздник,
Если в сердце мать всегда?!

Смысла мало в укоризне!
Календарь нам не указ!
Каждый день разумной жизни —
Праздник матери — для нас!»

Песня двенадцатая

Если мать хоронит сыновей,
Плачет мать и слез унять не может.

На могиле матери своей
Сына совесть чуткая тревожит.

Вот и нынче, мама, я стою,
Пред холмом понурясь виновато.
С болью вспоминаю жизнь свою,
Все, чем огорчал тебя когда-то...

Мне бы, как велит сыновний долг,
Безотлучно, мама дорогая,
Сторожить, чтоб голос твой не смолк,
Быть с тобой, тебя оберегая.

Мне б, подобно дубу над рекой,
Пить корнями воду, но упорно
Думать, что настанет миг такой —
И не будет влаги животворной...

Мама, сколько раз просила ты,
Чтоб не заплывал я в бурном море
Дальше той положенной черты,
От которой не видать нагорий.

Но увлек меня могучий вал,
И наказ твой я забыл, к несчастью.
Опоздал я, мама, опоздал!
Не успел к руке твоей припасть я!

Занесло меня в такую даль!..
Да и ты поторопилась очень,

Побыла б у нас хотя февраль, —
Ведь февраль всех месяцев короче!..

...Если мать хоронит сыновей,
Плачет мать и слез унять не может.
На могиле матери своей
Сын молчит. И сына совесть гложет.

Песня последняя

Песни мамы!.. Сколько разных самых
Пелось дома, в поле, у ручья...
Не было б на свете песен мамы —
Я бы не был, я бы не был я.

Слезы, что в глазах ее застыли,
Звуки, что блистали на устах,
Словно звезды, в сумраке светили,
И не страшно было мне впотьмах.

Песни мамы... Скромность и величие.
Сердце мамы — кладезь тайных сил...
«Вашей мамы не могу постичь я», —
Сколько раз отец нам говорил.

По земле прошла война, бушует,
Всем она прибавила седин.
Мама, мама, что теперь скажу я,
Твой седой, твой постаревший сын?!

Братя, погибая в дальнем крае,
Поручили мне свои долги,
Завещал отец мне, умирая:
«Душу дома — маму береги!»

Может статья, лишь затем дарован
Мне судьбою некий жизни срок,
Чтоб тебя я возвеличил словом —
Шаль тебе соткал из нежных строк.

Ты такой при жизни не носила.
Видишь, как нарядна и светла!
Не твою ли песенную силу,
Мама, сыну ты передала?..

И теперь из радости, печали,
Из твоих же песен тку узор.
Нарисую образ твой на шали,
Подниму над цепью наших гор.

Я хочу, чтоб в эту шаль, чаруя,
Все цветы весенние вошли.
Эту шаль — о мама! — подарю я
В честь тебя

всем матерям Земли!

1976

СОДЕРЖАНИЕ

*С. Капутикян. Силою духа
и души* 5

П о э м ы

РАЗГОВОР С ОТЦОМ.
Перевод Я. Хелемского 9

БРАТ.
Перевод Я. Хелемского 29

ЗАРЕМА.
Перевод Я. Козловского 65

БЕРЕГИТЕ МАТЕРЕЙ!
Перевод Ю. Нейман 109

Для старшего школьного возраста

Расул Гамзатович Гамзатов

ОЧАГ

Поэмы

ИБ № 6552

Ответственный редактор *Г. И. Московская*.
Художественный редактор *В. А. Горячева*.
Технический редактор *Е. М. Захарова*. Кор-
ректоры *И. В. Козлова* и *Е. И. Щербакова*.
Сдано в набор 30.08.82. Подписано к печати
23.05.83. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бум. офс. № 1.
Шрифт школьн. Печать офсет. Усл. печ. л.
8,4. Усл. кр.-отт. 34,65. Уч.-изд. л. 6,04. Ти-
раж 100 000 экз. Заказ № 1512. Цена 70 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени изда-
тельство «Детская литература» Государст-
венного комитета РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Орде-
на Трудового Красного Знамени фабрика
«Детская книга» № 1 Росглаволиграф-
прома Государственного комитета РСФСР
по делам издательства, полиграфии и книж-
ной торговли. Москва, Суцевский вал, 49.

Гамзатов Р.

Г18 Очаг : Поэмы/ Пер. с аварск.;
Предисл. С. Капутикян; Рис. Г. Бедаре-
ва.— М.: Дет. лит., 1983.— 191 с., ил.

В пер.: 70 к.

Книгу составили издававшиеся ранее поэмы: «Разговор с отцом», «Брат», «Зарема», «Берегите матерей!». Их объединяют дорогие поэту мысли о доме, семье, великой любви к родителям. Предисловие С. Капутикян. Издается в связи с 60-летием поэта.

Г 4803010200—371 359—83
M101(03)83

С(Дар)

70 коп.

70 коп.

РАСУЛ ГАМЗАТОВ ОЧАГ

РАСУЛ
ГАМЗАТОВ

ОЧАГ

ПОЭМЫ

Д